

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

*Наставления
и чудеса*

СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

*Наставления
и чудеса*

САТИСЬ
Санкт-Петербург
2011

*По благословению
Епископа Тихвинского
ныне
Архиепископа Курганского и Шадринского
КОНСТАНТИНА*

*Рекомендовано к изданию
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

В 2003 году Русская Православная Церковь торжественно отметила 100-летие канонизации преподобного Серафима Саровского. Данный сборник составлен на основе книги «Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника» (Москва, 1901). В сборник включены наставления старца и описание многочисленных чудес, явленных и при жизни, и по кончине преподобного. Подлинность описываемых чудесных событий была засвидетельствована в 1894 году Комиссией Тамбовской Духовной Консистории.

ISBN 5-7868-0016-4

© Издательство «Сатисъ», составление,
оригинал-макет, оформление, 2005

От редакции

В 1903 году Святейший Синод Русской Православной Церкви принял решение о канонизации старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни. Саровские торжества явили истинно народное почитание преподобного Серафима, в эти дни Россия стала по-настоящему единой — во Христе, в Христовой любви, — как и завещал преподобный.

Одно из свидетельств глубокого почитания старца — книга действительного статского советника Н.В. Елагина, составившего в 1863 году, по желанию Саровской обители, «полное изображение жизни, подвигов и чудотворений старца Серафима». Труд Елагина выдержал несколько изданий. В распоряжении издательства «Сатисъ» оказалось издание пятое, 1901 года.

Старый потертый переплет, рассыпавшийся корешок. Владельческая надпись на форзаце — *Протоиерей Андрей Нумцовъ*. На титуле — дарственная:

16 сентября 1901 года. Моей славной женошке отъ горячо любящаго мужа Андрея.

Вероятно, это подарок матушке на День Ангела: 16 (29) сентября — память мученицы Людмилы, княгини Чешской. Страницы книги испещ-

16ое Сентября 1901 года. Моей славиной де
вушки иль горого любящаго мурра
Андрей.

ЖИТИЕ *Прот. Антон
Тумарь*
СТАРЦА СЕРАФИМА

САРОВСКОЙ ОБИТЕЛИ

ИЕРОМОНАХА, ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ И ЗАТВОРНИКА.

ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ЕГО НАСТАВЛЕНІЙ И КЕЛЕЙ-
НАГО МОЛИТВЕННАГО ПРАВИЛА.

Съ изображеніемъ Отца Серафима и енимковъ его почерка.

„Праведникъ во вѣки живеть“.

Издание пятое, дополнено и исправлено.

Собственность Саровской обители.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Еремьва, Большая Якиманка, собственный домъ.

1901.

рены пометами батюшки. То, что это пометы первых владельцев, подтверждают записи в конце книги: наиболее значимые страницы отмечены рукой отца Андрея и снабжены краткими комментариями: *о болящих, о Приобщении, о бесноватых, о постах* и т.д. Выделены поучения преподобного Серафима, адресованные настоятелю: *«Настоятель должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои иметь обучена долгим учением в рассуждении добра и зла. <...> Настоятелю должно иметь также дар пронциательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущее, и проразумевать козни вражи. <...> Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показывает любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря»*.

Мы ничего не знаем о судьбе протоиерея Андрея Нумцова, но встреча с книгой позволила почувствовать, **что** стоит за привычными словами о «глубоком почитании старца Серафима»: поучения Саровского подвижника для многих и многих верующих в России стали **жизненно** необходимы, к опыту духовного делания преподобного обращались, желая укрепиться в своих духовных испытаниях и бранях.

Все пометы в книге — это подчеркивание важных строк карандашом и вертикальная черта справа. Особенно — галочкой и крестиком — отмечены два поучения:

1. *Стяжи мирный дух, и тогда тысячи душ спасутся около тебя.*

2. *Бог обитает только в жилище мира.*

Жизненная важность этих слов преподобного Серафима и заставили нас снова обратиться к книге Н.В. Елагина.

*Наставления
преподобного
Серафима
Саровского*

О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он придет согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытай, где Он живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога, мирно и полезно, и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным и правым; но Сын Его показал нам, что Бог более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Ис. Сир. Сл., 90).

Поколику человек совершенствуется здесь пред Богом, потолику ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему лицо Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его, видят образ Его как в зеркале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует Богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение таин Божиих?

О вере

Прежде всего должно веровать в Бога, яко есть, и *взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силой Иисуса Христа, т.е. крестом, помощью вервия, т.е. благодати Духа Святого.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел; кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем: то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвой лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, — то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), т.е. надейся на Меня, и утешись от труда и страха.

В Евангелии св. Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещанно Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал возжеленного Спасителя миру и, с радостью приняв Его на свои руки, сказал: теперь Ты отпускаешь меня, Владыко, в Твое

вожделенное для меня Царство: ибо я увидел надежду мою — Христа Господня.

О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей; ибо в своем стремлении к Богу душой и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с Ангелами возлетит, как бы от чужой страны на родину.

О страхе Божиим

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Блаженная кончина преподобного Серафима

Он должен проходить путь свой с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (т.е. сердце с своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *тамо гади, имже несть числа*, т.е. в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые, — порождения злых духов.

Бога Бойся, говорит Премудрый, *и заповеди его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией.

Об отречении от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрехшись от всего, что в мире, соберет

все свои мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и придти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы придти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всей душой возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам прп. Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

«Если мы, — говорит он же, — живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш: то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища! И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Мир сей есть область инога, т.е. князя века сего» (Сл. 15).

О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: «Доколе на море — корабль терпит беды и приращения вет-

ров; а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражения мысленных ветров; а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего» (Варс., отв. 8, 9).

«Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотьми. Но подумай, Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя придти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. *Ибо, говорит Апостол, аще с Ним страждем, с Ним и прославимся.* Другого пути нет» (Варс., отв. 342).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

О внимании к самому себе

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельной жизнью подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный хранитель

Дальняя пустынька

внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающие к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя возре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкая... иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой *состреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению Св. Отцев, при каждом человеке находятся два Ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно, в тебе находится Ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Ант. Сл. 61).

«Внимай себе, возлюбленный, — говорит Исаак Сирий, — и при непрестанном делании имей пред глазами и приключаящиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостью своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, т.е. искушениями, какие навоятся на тебя то истинным Врачом ко здравию внутреннего человека, то иногда и бесами и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются бла-

годатная теплота, и сладкие слезы, и духовная радость, и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, т.е. страсти стали ослабевать? Положи примету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоровливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, т.е. мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другой последовательно и стремительно, и через какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти или сложные и смешанные, и проходят ли в памяти только как слабые или сильно восстают на душу — и как восстают: властительски или якотать; как смотрит на них царь — ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступают вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своей крепостью или, и видя, не видит их и вовсе и не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом возникают ли страсти в живых образах или в чувстве — без живых образов, и в памяти — без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия» (Ис. Сир. Сл. 45).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, принимает *вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют* (Еф. 6, 13), и сими оружиеми, при содействии благодати Божией, отражает видимые приражения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такого духовного бодрствования в Иове многострадальном, о коем св. Церковь воспеваает так: «Богатство видево добродетелей Иовлих, украсти козньствоваше праведных враг, и растерзав столп телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооружену непорочнаго душу...» (Тропарь, мая 6-го).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями; но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *не възглаголют уста мои дел человеческих* (Пс. 16, 4); а молить Господа: *от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13–14).

Чтобы сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *ни когоже на пути целуйте* (Лк. 10, 4), т.е. без нужды не говорить, разве бежит кто за тобой, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братий поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу; *какая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит? или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Мак. Велик. Сл. о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то такое удружение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

Чем должно снабдевать душу?

«Если хочешь устроить дом души своей, — говорит преподобный Варсонофий, — то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось придти и устроить. Потребное для такового здания суть твердая вера для устроения стен; деревянные окончины, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, Честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного Солнца Правды и не позволяющие оставаться в дому твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна ночью* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла заходить солнцу во гнев твоем, дабы не увидеть его обличающим тебя в День Судный и жгущим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о ночном нашем унынии и лени. Наконец требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь — Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь*. Если

так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он придет с благословенным Отцем и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит, и научит тебя, что такое мир души, просветив сердце твое радостью неизглаголанной» (Вар. Отв. 171).

Душу снабждать надобно Словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб Ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и послания Апостолов должно читать стоя пред св. иконами, а псалмы можно читать сидя. От чтения Священного Писания бывает просвещение в разуме, который оттого изменяется изменением Божественным.

Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением Слова Божия в уединении и прочесть всю Библию разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своєю милостью, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою Словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение Слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных

дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

«Телесный труд и упражнение в Божественных Писаниях, — учит преподобный Исаак Сирин, — охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждой и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в Божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха, — имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания, и приближается к той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа; и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится через вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимою» (Ис. Сир. Сл. 58).

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется и что терпела она в то или другое время, — знать же сие не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также — для убеждения и утешения своего духа.

Более же всего делать это должно собственно для себя, чтобы приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *мир мног любящим закон Твой, Господи* (Пс. 118, 165).

О мире душевном

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *приидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как улаживать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собой и редкая — с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо несть наша брань к крови и плоти, но *к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном, то есть с совестью благой; в премирном же, когда его ум

созерцает в себе благодать Святого Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце Правды — Христа? Тогда воистину радуется он радостью ангельской. О сем-то и апостол сказал: *наше бо житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот, как бы лжицею, черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны-пророчицы: *ниже да изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: *лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам своим пред смертью Своей, глаголя: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). О нем также говорит и апостол: *и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7); *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

Итак мы должны все свои мысли, желания и действия сосредотачивать к тому, чтобы получить мир Божий, и с Церковью всегда взывать: *Господи, Боже наш, мир даждь нам* (Пс. 26, 12).

О хранении мира душевного

Надобно всеми мерами стараться, чтобы охранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний.

Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы они не до нас касались.

Такое упражнение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителью Самого Бога.

Образ такого незлобия мы видим в жизни св. Григория Чудотворца, от которого некая жена-блудница всенародно требовала мзды, якобы за грех, с нею содеянный; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему другу своему: «Даждь скоро ей цену, колико требует». Жена, только что прияла неправедную мзду, подверглась нападению беса. Святитель же изгнал из нее и беса молитвой (Чет.-Мин., ноябрь 17).

Если же невозможно, чтоб не возмутиться, то по крайней мере надобно удерживать язык, по глаголу Псалмопевца: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае мы можем взять в образец себе св. Спиридона Тримифунтского и прп. Ефрема Сирина. Первый (Чет.-Мин., дек. 12) так перенес оскорбление: когда, по требованию греческого царя, входил он во дворец, то один из слуг, бывших в палате царской, сочтя его за нищего, сме-

ялся над ним, не пускал в палату и даже ударил его в ланиту. Св. Спиридон, будучи незлобив, обратился к нему, по слову Господню, и другую (Мф. 5, 39). Преподобный Ефрем (Чет.-Мин. янв. 28), постясь в пустыне, раз лишен был пищи таким образом: ученик его, неся пищу, нечаянно разбил по дороге сосуд. Преподобный, увидев ученика печальным, сказал ему: «Не скорби, брате; аще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней». И так преподобный пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее. Так-то он был безгневен.

А как побеждать гнев, сему можно поучиться из жития Паисия Великого (Чет.-Мин. июнь 19), который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, чтобы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: *аще хочещи победити гнев и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный мир, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь дух радостный; по слову премудрого Сираха, *многи бо печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

Чтобы не впасть в осуждения ближних, должно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

О подвигах

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, не уклоняясь *ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27): духу давать духовное, а телу телесное, потребное для поддержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *воздадите убо Кесарева Кесареви, а Божия Богови* (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах, и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи или сделал другое что, сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но, мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *блажен не осуждаяй себе, о немже искушается* (Римл. 14, 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *аще не обратите*

ся, и будете яко дети, не внидите в Царство Небесное (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, тотчас по воскресении дщери Иаировой от смерти, повелел *дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с Пророком: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовения земной жизни, велик подвиг человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. Василий Великий свидетельствует (Бесед. на начал. притч., с. 305): «Многие много собрали в юности, но, посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения, и всего того лишились».

Чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как на мериле испытания и внимательно наблюдать всю жизнь за собой, по учению Св. Исаака Сирина: «Якоже на мериле приличествует извесити коемуждо жительство свое» (Сл. 40).

О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя

от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к возлюбленному (Лк. 3, 22), человек в призываемом имени находит улажнение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит сердце, тогда воссияет свет Христов, освещая храмину души Божественным сиянием, как говорит от лица Бога св. пророк Малахия: *и возсияет вам, боящимся имени Моего солнце правды* (Мал. 4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага — Бога.

О слезах

Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так ли мы должны плакать об оставлении грехов своих? К сему да убедят нас слова порфиряносного пророка: *ходящии хождаху и плакахуся, метяуще семена своя, грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6); и слова Исаака Сирина: «Омочи ланите твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святы́й Дух, и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе» (Сл. 68, об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это от дьявольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца Правды — Христа Бога.

О покаянии

Желающему спастися всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: *жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни дьявола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посетить свои плевелы, по словеси Евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? Откуда убо имать плевелы? Он же рече: враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 27–28).

*Явление Божией Матери преподобному Серафиму
в день Благовещения*

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражьи бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *в мире, сказано, место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит св. мученик Вонифатий (Чет.-Мин. дек. 19): «Страх Божий есть отец внимания, а внимание — мать внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния».

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие; а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли благодарствованному человеку по падении восстать через покаяние?

Можно, по Псаломнику: *превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Когда св. пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за водой, при источнике пал в грех. Но, возвратившись в келлию, он осознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему

блаженному отцу и велел брата, падшего в грех, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, т.е. царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Он есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5, 16. Ант. Сл. 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, — говорит Варсонофий, — то имаша почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже небыти воеже быти» (т.е. из грешника в праведника. Отв. 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию — и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву прп. Антиоха:

«Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечис-

тых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мене имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего, и возвел мя еси от глубины беззаконий моих, да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нее. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми, и похоть злую остави мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обьимут мя, и душе безстудней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обьимет мене тма, и ходящий в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвиться рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби, и дом Христа Твоего, Отче Святыи, созижди мя. Путеводителю заблудших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Твоего Духа даждь созданию Твоему, да не изсохну яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щед-

роты Твоя да объмут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпускай беззакония. И не попусти, Господи, посрамится делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левию мытаря, и оживотвори мя грехми умерщвленнаго, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь». (Ант. Сл. 77)

О посте

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке не достойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блаженни алчущии, яко тии насытятся* (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя про-

должительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге — поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самой скудной пищей. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меры его ежедневной пищи низвел наконец до осьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкой и легкой, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако же не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий же вместити да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и по-

мощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру Отцев, употребляй один раз в день — и Ангел Господень прилепится к тебе.

О хранении ума

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно как сокровище хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус

Христос пришел во вреци на землю сердец человеческих: ибо ничтоже тако устужает огонь, от Святаго Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже сообращение и многословие и собеседование, кроме оногo, еже со чады таин Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению (Ис. Сир. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаивает, так и сердце инока от собеседования с женским полом непременно расслабевает, — о чем и св. Исидор Пелусиот говорит так: «Аще (глаголющу Писанию) кия беседы злые тлят обычаи благи: то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту суцу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягче; обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает: аще убо естество, едва подвижимое, и от той вещи, юже имать ни во что же, страждет и умалется: то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена?» (Исидор Пелус. письм. 284, и Чет.-Мин. в жит. его ферв. 4 дня).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удержатъ язык от многоглаголанія: *муж же мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12); и *иже хранит своя уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13, 3); и помнит слова Иова: *завет положих очима моима, да не помышлю на девицу* (Притч. 31, 1), и слова Господа Иисуса

Христа: *всяк, иже воззрит на жену ко еже возжелети ея, уже любодействова с нею в сердца своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *иже отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

О распознавании действий сердечных

Когда человек примет что-либо Божественное, то радуется в сердце; а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть Небесное: ибо ощущает в себе плоды духовные: *любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22).

А диавол хотя бы преобразился и в Ангела светла (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, св. Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: через что и известный знак его дел бывает» (Сл. 4. гл. 13).

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет св. Григорий Синаит: «От действия убо возможешь по-

знать воссиявший свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин» (Доброт., ч. 1. Григория Син. О безмолвии).

О болезнях

Тело есть раб души, а душа — царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями: от сего ослабевают страсти и человек приходит в себя; да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. Василий Великий: «Откуда недуги? Откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Один старец, страдавший водяной болезнью, говорил братьям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек: а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее; ибо, поколику *внешний наш человек тлеет*, потолику *внутренний обновляется*» (2 Кор. 4, 16).

О МИЛОСТЫНИ

Должно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и Отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36), также: *милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда неодинакова, как сказано: *сеяй скудость, скудость и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара (Чет.-Мин. сент. 22), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение всех его грехов, как это было показано ему в видении, — да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению св. Исаака Сирина: «Аще даси что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего и словесы благи ми утешай скорбь его» (Сл. 89).

О ПОМЫСЛАХ И ПЛОТСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно когда приносим мо-

литву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети Вавилонские, т.е. движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искутить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь *во ограде своей* (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *не ореши юнцем и ослятем* (Втор. 22, 10), т.е. с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *воутрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающия беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей — мы, и Иерусалим внутри нас. Грешные земли суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *устрой душу*

мою от злодейства их (Пс. 34, 17); расточи языки, хотящая бранем (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: в скорби призвал Мя еси, и избавих тя (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны или внешне.

Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть и все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью; и потому недостойны, по апостолу, *страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия: *от взимающаго твоя не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: «Уничижи себе, и узришь славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию; идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Не сущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск, неразогретый и неразмягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда Ангелы *приступили и служили Ему* (Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас Ангелы Божии, то не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжавает и прочие совершенства. Почему св. прор. Исаия говорит: *терпящии же Господа изменят крепость, окрылятеют аки орли, потекут и не утруждаются, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *изыди, мужу беззаконный*, — он не сердился;

и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя?* — он запретил ему, говоря: оставите его, и тако да проклинает, *яко призрит Господь... и возвратит ми благая* (2 Цар. 16, 7–12). Почему после и воспел: *терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь, и искушение человеческо в помышлении его (Сир. 27, 5). *Но горе вам погубльшим терпение! и что сотворите, егда посетит Господь?* (Сир. 2, 14).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его; а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает: так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять Его и сделать царем; а когда Он сказал им: *делайте не брашно гблющее, но брашно пребывающее в живот вечный, тогда говорили Ему: кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благосотвориши ему, — и таковой даже до века не узрит света* (Пс. 48, 19, 20).

Посему апостол Иаков учит нас: *всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения*

*впадает различна, ведяще, яко искушение ва-
шея веры соделывает терпение: терпение же
дело совершенно да имать, и прибавляет: бла-
жен муж, иже претерпит искушение: зане иску-
сен быв примет венец жизни (Иак. 1, 2-4, 12).*

О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирий (Сл. 89): «Простри ризу твою над согрешающим и покрой его».

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: «Аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и чело-векоубийцы?»

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслью чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезной.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (Лк. 10, 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, т.е. любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *иже*

любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает св. Димитрий Ростовский (Часть 2. Поуч. 2): «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцем сравнивается: а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любитя и предпочитается».

О неосуждении ближнего и о прощении обид

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или ксенеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1); *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеву стоит или падает, станет же: силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *рех в обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *аще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш*

Небесный отпустит вам согрешений ваших (Мф. 6, 15); молитесь за творящих вам напасть (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему — враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творити ненавидящим вас (Мф. 5, 44).*

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горному Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим: поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *нашел Я мужа по сердцу Моему, который исполнит все хотения Мои.* Так Он говорит о Давиде, незлопамятном и добром ко врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит прп. Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседа с Богом (Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *егда воздаются злая за благая?.. Помяни стоявшего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая (Ант. сл. 52).*

Бог заповедал нам вражду только против змия, т.е. против того, кто изначально обольстил человека и изгнал из рая — против человекоубийцы дьявола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, т.е. против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитрое действие с разумом.

Отчего мы осуждаем братьев своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех, и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только дьявола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется: другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверзта, и неизвестно, кто прежде войдет в нее — ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобой.

«Если осуждаешь ближнего, — учит прп. Антiox, — то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судие, ведущему сердца наша и сокровенные страсти естества» (Ант. Сл. 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не ус-

лышать: сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь ставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерное пшеничное.

Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждой нашей в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем искать *прежде Царствия Божия... и сия вся приложатся нам*, по слову Спасителя (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, т.е. временное и преходящее, и желать нашего, т.е. нетления и бессмертия. Ибо когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого Богосозерцания, подобно апостолам при Божественнейшем Преображении, и приобщимся превышеумного единения с Богом, подобно небесным умам. Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, *воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

Есть недуг, говорит Екклесиаст, *егоже видех под солнцем, богатство хранимо от стяжателя во зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавн... вси дние его во тме и плачи и в ярости мнозе, и в недуге и во гневе* (Еккл. 5, 12–13, 16).

О печали

Когда злой дух печали овладеет душой, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и иступленной, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Ант. Сл. 25).

Об отчаянии

Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда

душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и не совместно разуму. Первое вращается воздержанием и благой надеждой, а второе смирением и неосуждением ближнего (Лест. Степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каковы бы они ни были. Иудая-предатель был малодушен и неискусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться; но Петр — твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

«Итак, братия, — учит прп. Антиох, — когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: “Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами, и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Ук-

репляемые честным Его крестом, мы попираем твою змииную главу”» (Ант. сл. 27). И с умилением будем молиться ко Господу:

Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! Благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, истиннаго Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, Света миру многим Твоим благоутробием, и прими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многия прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищю покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причине глубокаго множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злыя дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленнаго. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от безчестных дел, и не возмерь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящагося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженнаго на землю и осужденнаго за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененнаго и содержимаго моими злыми деяниями и как бы цепями связаннаго. Ибо Ты Един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому не известныя, которыя знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому во

всех моих злых болезнях призываю только Тебя — врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет омраченных, искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великаго человеколюбия дающего время покаянию. Воссияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И Твоим благоутробием прости мне руку и возставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты Един Бог наш, не веселящийся о погибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящагося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плачь мой в радость мне, расторгни вретисце и препояшь мене веселием (Пс. 29, 12). И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежали болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа Сына Божия суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *так о возлюби Бог мир, яко и Сына Своего едиnorod-наго дал есть* (Ин. 3, 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает Святая Церковь (1-й канон на Рожд. Госп. песнь 1-я): «Истлевша преступлением, по Божию образу бывшаго, всего тления суца, лучшия отпадша Божественныя жизни паки обновляет мудрый Содетель».

3. Спасение душ человеческих: *не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасетсЯ Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно его Божественному учению, дабы через сие получить спасение душам нашим.

О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит в живот вечный (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном вни-

мании, умной молитве и созерцании через таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходиться и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священнаго Писания: *блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), и из слов св. Григория Богослова (в Слове на Св. Пасху): «К созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности».

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: «Молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию Богомыслие приложил еси, Богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси» (Акаф. свт. Николаю. Конд. 10).

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием: «дерзый бо и презорливый», по словам Григория Синаита (О прелести и о иных многих предлогах. Доброт. Част. 1-я), «паче дос-

тоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени dospети». И паки: «аще мечтает кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, — сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу».

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни: то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом, мало-помалу, от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

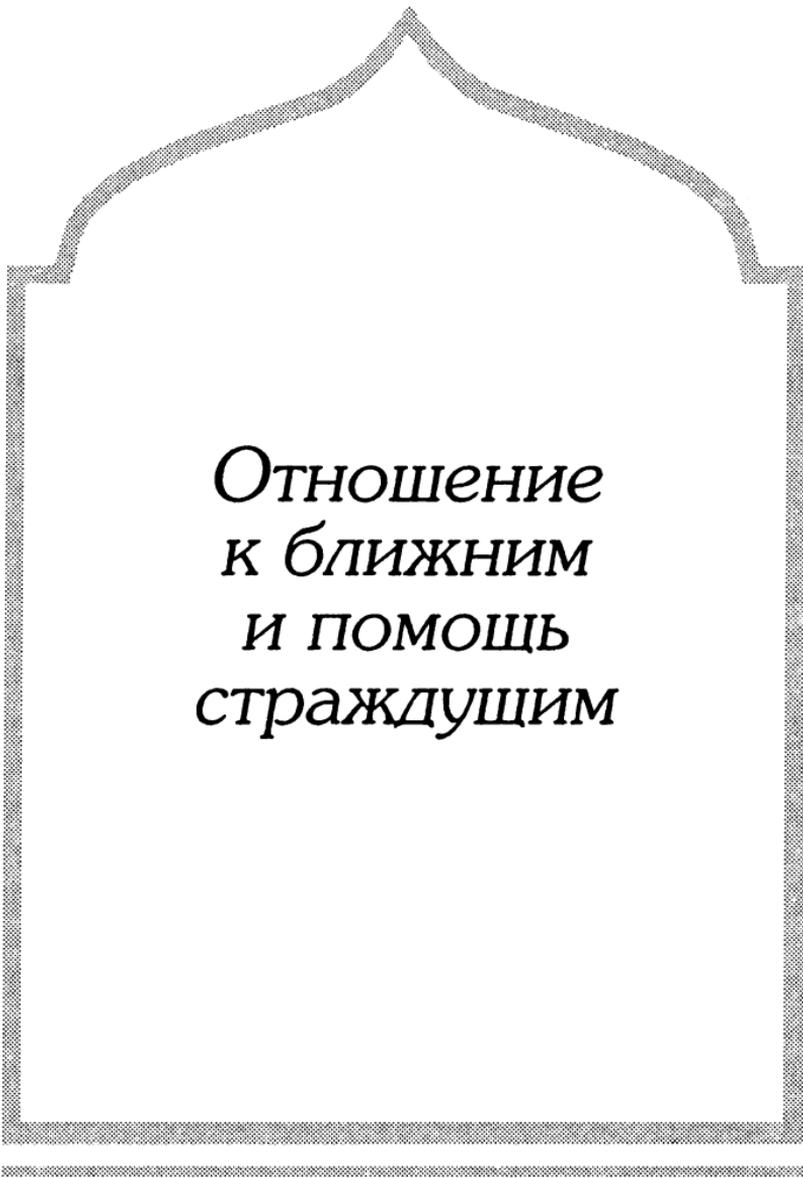
Ибо, по словам св. Григория Богослова (Слово на Св. Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собой достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную; ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердеч-

ное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению учителей Церковных (блаж. Феодорита толк. на Песнь песней), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувствительных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божиим: *страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим в сердечной памяти Его Божественного имени, и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12, 13).

Отношение
к ближним
и помощь
страждущим

Любвеобилие отца Серафима в обхождении с ближними

Любовь и участливость, с которыми старец относился к посещавшим его, весьма ясно отпечатлеваются в следующем рассказе госпожи Елизаветы Николаевны Пазухиной, симбирской помещицы.

«С самого раннего детства наслышалась я о прозорливости и святости саровского затворника и пустынника отца Серафима, и потому весьма хотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось наконец, по милости Божией, в 1830 году.

В Арзамасе, на пути в Саровскую обитель, сказали мне хозяева квартиры, где я остановилась, что если я не успею в Саров к ранней обедне в наступающее воскресенье, то не увижу уже отца Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходит в свою пустыньку и остается там до среды. Так как погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не в силах искать отца Серафима в его пустыньке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь, что было в субботу после обеда; ехала всю ночь и наутро была в Сарове.

Первый вопрос мой, при входе в гостинцу, был: “Не кончилась ли ранняя обедня?” И когда монах, которому предложила я свой вопрос, объявил мне, что обедня уже кончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть отца Серафима. Но Господу Богу угодно было утешить меня и не допустить до уныния. Я отправилась, на счастье, к его келлии, вместе со множеством других посетителей Сарова, и мы нашли, что дверь его келлии заперта была изнутри.

Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились испросить у него благословение на то, чтобы видеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первый сотворить молитву. Пробовали некоторые, но дверь не отворялась. Наконец я обратилась к стоявшей подле меня, у самых дверей, даме с маленькой девочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только что малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась. Но каков был общий наш испуг, когда отец Серафим, отворив дверь, начал опять закрывать ее! Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумавши: “Господи! Верно я всех недостойнее, что он, увидев меня, решился снова затвориться”. Но едва подумала я это, как отец Серафим, стоя в полузакрытой двери, обратился ко мне и сказал: “Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного”, — и вслед за тем, вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: “Пожалуйста, матушка; скажите мне, какая вам нужда? Что вам угодно?” Я заплакала

от радости и сказала ему, что у меня одно желание — принять его благословение и испросить его святых молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: “Господь да благословит вас, благодать Его с вами!” И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После того начал он благословлять и прочих, подходивших к нему, и каждому, по благословению, говорил: “Грядите с Богом”. Мне же не сказал этого, и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну оставшуюся, по уходе всех, он сказал мне милостиво: “После вечерни, матушка, пожалуйте ко мне”, — и затворился снова.

По возвращении в гостиницу я прежде всего приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данной мне отцом Серафимом. Я хотела по приезде домой обделить ими всех усердствующих к старцу. Потом с величайшим нетерпением стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться к отцу Серафиму и снести ему привезенный мною гостинец: немного домашнего полотна, масла и восковых свеч. Но так как оказалось, что человек, которому поручила я купить свечи и масло, забыл исполнить мое поручение, то я решилась снести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свеч. Меня уверяли, что отец Серафим ни у кого не берет ничего; но я не переменила своего намерения, думая, что если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свеч.

После вечерни я нашла старца в сенях его келлии, на коленях лежавшего у гроба. Увидев-

ши меня, он поспешно встал и, благословляя, сказал: “Пожалуйста, матушка, пожалуйста ко мне”. При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждою, осмелилась я подать ему полотно, говоря: “Святой отец! Удостоите принять от истинного моего усердия это полотно”. И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: “Благодарю вас, матушка, покорно; в храм Божий все годится”. Тогда я осмелилась подать и деньги, сказав, что не успела купить масла и свеч. Он принял и деньги с благодарностью. Когда я рассказала потом об этой радости моей отцу Дамаскину, саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне отца Серафима.

Настоящая беседа моя со старцем внушила мне, между прочим, мысль на другой день исповедаться у него; я сообщила об этом желании отцу Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно неудобноисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы Он удостоил меня, грешную, исповедаться у святого старца Серафима. Утром опять я отправилась к нему, и когда слуга мой отворил дверь в сени его келлии, я увидела старца опять подле его гроба. Он ввел меня в келлью; приказал перекреститься и трижды дал мне пить святой воды, сам поднося ее к губам моим; потом спросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда пригоршню сухарей, говоря: “Вот, матушка, не хлопчите: это на раздачу, раздавайте усердствующим”. Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя

частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости.

После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедаться у него, говоря: “Святый отец! Позвольте мне сказать вам одно слово”. Он ответил: “Извольте, матушка”, — потом вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: “Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика ти согреших” и т.д. Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени, и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, сказал: “Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и причастие Святого Духа, буди с вами во всю жизнь вашу, во время кончины и после успения вашего”. Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: “Господь вам поможет”. И действительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня повсеместно свирепствовала тогда сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У одной женщины было много детей, но все они умирали на первом году своего возрас-

та. Бедная мать просила меня убедительно взять ее, с последней новорожденной дочерью, вместе с собой в Саровскую пустынь. Я обещала исполнить ее просьбу и в первую свою поездку в Саров взяла их с собой. Когда мать принесла девочку к отцу Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив до году, он положил свою руку на голову дитяти и сказал: “Утешайтесь ею”. Действительно, за молитвы праведника, девочка эта осталась жива; а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали».

Беседы его с мирянами

Не оставляя без духовного назидания монашествующих, отец Серафим много поучал и мирян, обличая в них ложные направления ума и жизни и преподавая положительные правила благочестия. Так, один благоговейный священник привел с собою к отцу Серафиму профессора, преподававшего в семинарии одну из наук Богословия, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его, по обычаю священства, но насчет его желанья вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседой со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник между тем во время разговора часто наводил речь на цель, с которой пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета,

продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает Православную веру, сам профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его насчет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки на верх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение он советовал профессору прочесть историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

В 1831 году, 18 июня, были в Сарове и пришли в пустынь к отцу Серафиму Иван Максимович Крещицкий и жена его Ю.П. «Мы нашли старца, — говорили они, — на работе: он разбирал грядки мотыгой, и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положивши на мою голову руки, прочитал тропарь Успению Божией Матери: «В рождестве девство сохранила еси...» и т.д.; потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали перед ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас грешных Владычицы Богородицы, и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности.

Эта беседа продолжалась не более часа; но такого часа я не сравню со всей прошедшей моей жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую, небесную сладость, Бог весть каким образом туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем составе.

До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего: для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде на эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доньше я не могу вспомнить без особенного ужаса, целые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего, когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но отец Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказавши со свойственной ему неизъяснимо радостной улыбкой, чтобы я не боялся этого шума мысленного; что это действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал

свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли.

С тех пор, действительно, этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать, и менее чем в месяц совершенно прекратился».

Однажды пришли к нему четыре человека из ревнителей старообрядства, жители села Павлова Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сложении, с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знамением. Только что переступили они за порог келлии, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь, и прочим скажите. Сие сложение предано от святых апостолов; а сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в церковь греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учителя Церкви, архипастыри — суть преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за нею, заливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?»

— Оставь свои бредни, — отвечал отец Серафим, — жизнь наша есть море, святая Православная Церковь наша — корабль, а кормчий — сам Спаситель. Если с таким кормчим люди, по своей греховности слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду — спастись без кормчего?

Однажды зимой привезли на санях больную женщину к монастырской келлии отца Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, отец Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. Отец Серафим запер дверь и спросил ее:

— Откуда ты, матушка?

— Из Владимирской губернии.

— Давно ли больна?

— Три года с половиною.

— Какая же причина твоей болезни?

— Я была прежде, батюшка, Православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере — и все была здорова. Наконец они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того вечером пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я в испуге упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, ис-

кали меня, вышли во двор и нашли — я лежала. Они внесли меня в комнату. С тех пор я хвораю.

— Понимаю... — отвечал старец. — А веруешь ли ты опять в святую Православную Церковь?

— Верую теперь опять, батюшка, — отвечала больная.

Тогда отец Серафим сложил по-православно персты, положил на себе крест и сказал:

— Перекрестись вот так во имя Святой Троицы.

— Батюшка, рада бы, — отвечала больная, — да руками не владею.

Отец Серафим взял из лампы у Божией Матери «Умиление» еля и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже составы затрещали, и тут же получила совершенно здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидел чудо, разглашал по всему монастырю и особенно в гостинице, что отец Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к отцу Серафиму одна из дивеевских сестер. Отец Серафим сказал ей: «Это, матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная». Потом спросил ее:

— Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?

— Таких нет, батюшка, — отвечает сестра, — а дзуперстным крестом молятся мои родители и родные все.

— Попроси их от моего имени, — сказал отец Серафим, — чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы.

— Я им, батюшка, говорила о сем много раз, да не слушают.

— Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит: он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?

— К прискорбию, у нас в роду все так молились.

— Хоть и добродетельные были люди, — заметил отец Серафим, пораздумавши, — а будут связаны: святая Православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?

Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены.

— Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности.

Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса отца Серафима: ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны святой Христовой веры.

О православном сложении перстов и положении на челе крестного знамения должным образом отец Серафим очень заботился и приписывал крестному знаменю великую силу. Крестьянин Ардатовского уезда, села Автодеева, М.Б., собираясь в Саров на богомолье, перед самым выездом получил такой жестокий удар, что память совершенно потерял, и его без сознания привезли в Саровскую пустынь. Здесь один послушник, земляк больному, привел его к отцу Серафиму. «Едва только стали подходить мы к келлии старца, — рассказывал после М.Б. и бывший с ним послушник, — как я уже почувствовал в себе об-

легчение: чувство памяти и понимания понемногу снова начало возвращаться ко мне, и я помню все, что отец Серафим говорил и делал со мною в то время. Сперва он благословил меня и начертил на челе моем крест маслом из лампадки; потом дал мне трехперстное сложение креста и сказал: «Милостив Бог! Молись Ему так: со временем все это пройдет». И действительно, немного спустя, по возвращении моем домой, я сделался совершенно здоров, молитвами угодника Божия отца Серафима».

Часто старец Божий одним своим видом и простым словом приводил к сознанию грешников, и они решались исправиться от пороков. Так в одно время к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как будто отталкиваем был кем-то. Наконец сам старец обратился к нему и спросил строго: «А ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувствованием глубочайшего смирения в присутствии всех тут бывших начал раскаиваться в своих пороках, особенно краже, сознаваясь, что он не достоин явиться пред лицо такого светильника. Конечно, это сознание не могло не принести добрых плодов в жизни простосердечного крестьянина.

Иван Яковлевич Каратаев, относительно наставлений отца Серафима, лично ему данных, рассказывал следующее:

«В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк, за ремонтом. В Курске и дорогою я много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и

других, в особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни, затворнике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, о чудных его предсказаниях, о даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных, и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решил непременно заехать по пути в Саров. Но когда я был подле самой почти Саровской пустыни, враг смутил меня страхом прозорливости старца Серафима. Мне казалось, что старец торжественно обличит меня во всех грехах моих, особенно же в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукой человека, даже, может быть, грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией, и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию, я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался в свой полк, по приказанию начальства.

Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже решил я, по совету своего отца, побывать у отца Серафима. Когда я шел из гостиницы к келье старца, внезапно страх, до того времени владевший мною, переменился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил отца Серафима. Около его келлии уже стояло множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих,

взглянул и на меня, и дал мне знак рукой, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну, и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим Крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены.

По окончании этой утешительной исповеди, он сказал мне: “Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатию нашего Икупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей”. Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении, касательно почитания святых икон: “Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например: как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, — прибавил он, — и не только тело их, но и душу; так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного”. Затем в подтверждение почитания святых икон он приводил в пример, что “еще в Ветхом Завете, при кивоте завета, были золотые Херувимы; а в Церкви новозаветной евангелист Лука написал лик Божией Матери, и Сам Спаситель оставил нерукотворенный Свой

образ”. Наконец, в заключение, он сказал, что “не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного Суда”.

Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание; но я не припомню их всех. Говорил он, что “искушения диавола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее — и она истребляется; что так-то и на врага — диавола, стоит только оградить себя крестным знамением — и все козни его исчезают совершенно”. Говорил он также, что “все святые подлежали искушениям; но, подобно золоту, которое чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилоствляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели”. И наконец, несколько раз повторял он, что “тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие”.

Слушая отца Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании.

Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от отца Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг диавол, завидуя тогдашнему спокойствию совести моей, вложил мне такую мысль: зачем святому отцу

деньги? Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбой о прощении за нее к отцу Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около келлии отца Серафима, я не мог узнать ее и принужден был спросить шедшего к нему монаха: “Где келлия отца Серафима?” Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвою к старцу, и он, предупреждая слова мои, сказал мне следующую притчу: “Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннонику три монеты на святой храм, и молитвами святой церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твое здоровье”. Потом отец Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды, сказав: “Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна”. Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку.

Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставлять меня своими святыми молитвами; на это он сказал: “Положи упование на Бога и проси Его помощи, да умей прощать ближним своим — и тебе дастся все, о чем ни попросишь”.

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях — и Господь везде спасал меня за молитвы праведника Своего».

Генерал Павел Яковлевич Куприанов пришел к старцу и благодарил его за молитвы. «Вашиими молитвами, — говорил он, — я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя было ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь, ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды ко спасению. Я только твердил непрестанно: “Господи помилуй молитвами старца Серафима”, ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду святую — и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец отвечал на это: «Великое средство ко спасению — вера, особливо непрестанная сердечная молитва; пример нам святой Моисей-пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: *Моисее, Моисее, что вопиешь ко Мне?* Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика... Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Святой пророк Даниил говорит: *Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока*: молитвою пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили печь огненную».

Когда отец Серафим говорил это, подошли к нему два человека, одетые в светское платье. Отец Серафим, обратясь к одному из них, сказал: «А наше дело с вами учить детей!» Удивленный такой речью этот отвечал искренно: «Да, я пас-

тырь западной церкви!» После беседы со старцем этот пастырь обещал и, говорят, присоединился к Православной Церкви.

Князь Николай Николаевич Голицын, проезжая из Москвы в Пензу, по желанию принять благословение от отца Серафима заехал в Саров и, не найдя старца в монастыре, поспешно пошел в пустынь. На дороге в полуверсте от монастыря старец встретился с ним, к величайшей его радости. Князь подошел к нему и просил благословения. Благословивши, старец спросил: «Кто ты такой?» Князь, не назвавши своей фамилии, сказался просто проезжающим человеком. Тогда отец Серафим с братолюбием обнял его и, поцеловавши, сказал: «Христос воскрес!» Затем спросил: «Читаешь ли Святое Евангелие?» Проезжавший сказал, что читает. «Читай почаще, — отвечал старец, — следующие слова в сей Божественной книге: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 28–30)».

Сказав эти слова, старец опять со слезами обнял князя. Дорогой продолжал беседовать с ним о будущей жизни и о разных испытаниях, имеющих с ним случиться, которые все сбылись в свое время. Пришедши в монастырь, старец пригласил князя к себе в келлию, дал напиток святой воды и пожаловал горсть сухарей. Прощаясь же с ним, он спросил у проезжавшего человека, долго ли намеревается он пробыть в монастыре? Тот

отвечал, что предполагает уехать наутро, после ранней литургии. Тогда отец Серафим с невыразимой любовью сказал, что, полюбив его, он желает еще видеться с ним завтра, после ранней обедни, что поэтому, собственно, ради его он не пойдет завтра в пустынь и останется в монастыре. На другой день старец вышел к нему навстречу на крыльцо своей келлии, благословил, обнял его и ввел в келлию. Здесь опять напоил его святой водой, дал сухариков и, благословляя в путь, опять советовал почаще читать прежде сказанные слова из святого Евангелия и еще Символ веры, в котором просил обращать особенное внимание на двенадцатый член. К сожалению, другие беседы старца с князем остались неизвестными; но для князя они служили величайшим утешением и принесли много душевной пользы.

В отношении к родителям отец Серафим внушал уважение даже и в таком случае, если бы они имели слабости, унижающие их. Так, один человек пришел к старцу со своей матерью. Мать же его в высшей степени предана была пьянству. Только что хотел он изъявить отцу Серафиму слабости своей матери... Старец мгновенно положил правую свою руку на уста его и не позволил промолвить ему ни одного слова. По учению нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своих, терять к ним уважение и любовь из-за недостатков их. От сына обратясь к матери, отец Серафим сказал: «Отверзи уста своя». И когда она открыла, дунул на нее трижды. Отпуская же их от себя, сказал: «Вот вам мое завещание: не имейте в доме своем не точию

вина, но ниже посуды винной, так как ты (обращаясь к матери) не потерпишь более вина».

К последним же годам жизни отца Серафима относятся следующие замечательные наставления разным лицам, в свое время записанные саровским иноком Сергием, бывшим впоследствии архимандритом Высотского Серпуховского монастыря: о должностях и любви к ближним; о неосуждении ближнего и прощении обид; о терпении и смирении; о болезнях; о милостыне; о посте; о покаянии; о слезах и о Святом Духе. (См. приложение.)

Были у старца Серафима на беседе и такие люди, которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить своей пытливости. Так, одному саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день Второго пришествия Господня. Вот он и спрашивает о сем мнении отца Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Брат в страхе упал к ногам прозорливого старца. Серафим же ласково воздвиг его и продолжал говорить так: «Господь сказал Своими пречистыми устами: *о дне том и часе никто же весть: ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой Един. Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческаго. Якоже бо бяху во дни прежде потопа: ядуще и пьюще, женящися и посягающе, донележе вниде*

Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына человеческого (Мф. 24, 37)». При сем старец тяжело вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневаем Господа и нехранением святых постов; ныне христиане разрешают на мясо и во святую четырехдесятницу и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: нехранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. У нас вера Православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правду: сих врата ада не одолеют».

Видя, что отец Серафим так много подвизается в научении других, один брат решил просить его: «Что ты всех учишь?» На это достообразенный старец отвечал: «Я следую учению Церкви, которая поет: “Не скрывай словес Бога, но возвещай Его Чудеса”. (Вторник Страстной седмицы на вечерни стих)».

В другой раз ему послано было сказать: зачем он проходящим к нему помазывает елеем из лампы, горящей в келлии его перед иконой? Отец Серафим отвечал посланному: «Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?» И обычай помазывать проходящих беспрепятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание.

Внутренний вид келли преподобного Серафима

Случаи прозорливости отца Серафима

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которого человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келлию одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся; живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо — этим и спасешься». Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова отца Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: «Когда придет это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с отцом Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, — отвечал отец Серафим, — мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы действительно встретили ее на гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем слова отца Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, вступила в монашество под именем Каллисты и,

быв игумениею в Свяжском монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устроила свою жизнь.

В другом случае посетили отца Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая — из дворян, уже пожилого возраста. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокиней, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к отцу Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благородная, сверх того, просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество тебе нет дороги. Монашеская жизнь трудная, не для всех выносима». Девица же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том отцу Серафиму не говорила. Между тем он сам от себя благословил ее, по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться.

Обе остались одинаково недовольны беседой старца; а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своем усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не

желающую иночества, благословляет на путь сей? Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица уже в преклонных летах вступила в брак и была счастлива. А юная — действительно пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, имевший в обычае ежегодно посещать отца Серафима, сообщил о даре прозорливости его следующие случаи, лично к нему относившиеся.

«В 1829 году летом поехал я в Саров с женой и детьми. Дорогой жена моя, видя, что старший сын наш, которому было около 10 лет от роду, занимается исключительно чтением священных книг, не обращая никакого внимания на окружающее, начала жаловаться, что дети наши слишком уже привязаны к одним только священным книгам и что они вовсе не заботятся о своих уроках, о науках и о прочем, необходимом в свете. По прибытии в Саров мы немедленно пошли к отцу Серафиму и были им приняты очень ласково. Благословляя меня, он сказал, чтобы мы пробыли здесь три дня; благословляя жену мою, произнес: “Матушка! Матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее прилежится им потом”.

Благословляя же обоих детей наших, удостоил назвать старшего “сокровищем своим”. Так обличил праведный старец несправедливый ропот жены моей, да и потом, в течение всей своей жизни, до самой кончины не переставал предупреждать меня всегда касательно всех обстоя-

тельств радостных и печальных, случавшихся в нашем семействе, подкрепляя слабый мой дух отеческими своими советами.

В том же 1829 году я был свидетелем следующего обстоятельства жизни отца Серафима. Один господин имел намерение жениться на такой особе, которая по званию своему никак ему не соответствовала, да и родители его не соглашались на этот брак. Но господин тот, зная, что родители его вполне у ажают отца Серафима и не в состоянии будут после его одобрения противиться этому браку, хотели сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовив предварительно доказательства на законность своего намерения и даже тексты Священного Писания на случай несогласия отца Серафима, для его убеждения, прибыл он к этому праведному старцу. И вдруг, к величайшему своему изумлению, слышит он, что старец произносит имя и отчество той самой особы, о которой он думал делать ему свои запросы, — что он говорит ему далее и те самые доказательства, которые он хотел ему представить, и, наконец, даже те тексты Священного Писания, на которые он хотел опереться в случае несогласия старца. Пораженный этим неожиданным предупреждением своих мыслей, господин тот пал безмолвно на колени перед старцем. Отец же Серафим, поднимая его, сказал ему: “Богу и Божией Матери и твоей матери не угодно твое намерение — и сего не будет”. Действительно, брак тот не состоялся. По возвращении от старца этот господин сам сознался, что он никогда прежде не верил, чтобы могли быть праведники на

земле; но что настоящий случай убедил его вполне в праведной жизни отца Серафима.

В 1830 году, по случаю бывшей болезни жены моей, обещались мы съездить на богомолье в Тихвин к чудотворной иконе Царицы Небесной. Но в тот самый день, когда нам нужно было выехать, жена моя, сходя по лестнице со 2-го этажа, споткнулась и вывихнула себе чашку у колена. Хотя же, при помощи костоправа, нога и была поправлена, но при малейшем после того движении чашка сдвигалась опять со своего места, так что, по-видимому, невозможно было совсем нам ехать. Однако ж, имея полную веру к молитвам отца Серафима, мы не хотели отлагать поездки до другого времени и отправились в путь тогда же, что было зимой.

На пути боль ее усилилась, и это заставляло меня, при всем уповании на молитвы отца Серафима, несколько раз предлагать жене совет о возвращении домой. Но она не соглашалась. А так как у нас принято было за священное правило не проезжать Саровской пустыни, не приняв благословения отца Серафима, то мы и на этот раз повернули к нему с большой дороги. Еще мы были далеко от обители, как вдруг боль в ноге жены моей начала уменьшаться и по мере приближения нашего к Сарову становилась все слабее и слабее, и наконец, когда мы въехали в самую пустынь, она прекратилась совершенно: чашка установилась на своем месте и опухоль исчезла. Мы явились к старцу в келью для получения его благословения, и он, благословивши нас, приказал нам придти к нему в пустыньку, к источнику, куда

*Колодезь и ближняя пустынь
преподобного Серафима*

мы и прибыли около полудня. Старец принял нас очень милостиво, напоил водой из источника, дал на дорогу в Тихвин две ржаные корки и, благословляя на путь, сказал: “Грядите, грядите, грядите! Дорожка гладенькая”.

Последние слова отца Серафима мы вспомнили на возвратном пути из Тихвина; потому что, хотя это было и в январе месяце, но, в ожидании поезда Государя Императора дорогу так уравнили, что на ней не встречали почти ни одного ухаба».

Даром прозорливости своей отец Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова диакона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она в среде множества народа пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его келлии, ожидая позади всех, когда придет очередь ее подойти к отцу Серафиму. Но отец Серафим, оставивши всех, вдруг говорит ей: «Евдокия! Поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал ее по имени, никогда не выдавши ее, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета. Отец Серафим благословил ее, дал святого антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать дома сына». Евдокия поспешила и в самом деле едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом Киевской академии и, по причине дальности расстояния Киева от Пензы, спешило скорее отправить его на место. Этот сын, по окончании курса в Киевской академии, пошел в монашество под именем Ири-

нарха, был наставником в семинариях, ректором и впоследствии епископом.

Однажды пришел к послушнику Иоанну Тихонову один человек, который называл себя помещиком, возвращавшимся из путешествия в Крым, и сказал, что он два раза был в Сарове, но не сподобился видеть отца Серафима, а теперь он надеется видеть его при посредстве отца Иоанна.

Отец Иоанн говорит, что какое-то странное, даже тягостное чувство овладело им, когда он собирался вести этого посетителя в пустыню к старцу, хотя и видел, что этот человек во время обедни в этот же самый день на коленях и со слезами молился перед образом Божией Матери. Оставив его за несколько сажен от пустынной келлии отца Серафима, Иоанн пошел к старцу и сказал ему, что такой-то желает получить от него благословение. Но отец Серафим на его предложение строго ответил: «Я умоляю тебя именем Божиим, чтобы ты и впредь бегал таких людей», — и объяснил, что этот человек притворщик. Думая убедить старца, Иоанн рассказал ему, как этот человек молился в церкви, и снова просил за него. Но старец, никогда не выдавши этого посетителя, еще строже начал отзываться о нем, говоря, что «это самый несчастный, самый потерянный человек». Когда же послушник возвратился к ожидавшему его посетителю и, передавши ему слова старца, прилежнее просил молиться Господу, если не хочет, чтобы душа его погибла безвозвратно, то он заревел во весь свой голос и рассказал, что, действительно, душа его исполнена самых нечистых мыслей и чувствований.

Но вот вскоре после него пришел в Саровскую пустынь и другой странник. Он, по-видимому, был простого звания и так же убедительно просил отца Иоанна проводить его к отцу Серафиму. Тот исполнил его желание, но из опасения за недавний случай оставил его так же в нескольких саженьях от пустынной келлии отца Серафима. В это время старец жал голыми руками осоку и как скоро услышал, что какой-то странник из Киева желает получить его благословение, тотчас же сказал послушнику: «Приведи его».

Когда этот привел его, то он, посадивши подле себя, начал говорить страннику, чтобы он оставил избранный путь, снял бы с себя вериги, обулся бы и возвратился бы в дом свой, — потому что там мать, жена и дети очень тоскуют по нем, а дома занялся бы хлебною торговлею. «Мню, — говорил старец, — что вельми хорошо торговать-то хлебом. У меня же есть знакомый купец в Ельце; тебе стоит только придти к нему, поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики».

Странник во все это время пребывал в молчании, хотя и видно было, что он слушал старца с особенным чувством и был слишком тронут его словами. Когда же старец, благословивши, отпустил пришедших с миром, отец Иоанн дорогой спросил странника о причине молчания. Странник отвечал, что он через свое молчание не только ничего не потерял, но еще получил все желаемое, т.е. узнал настоящий путь свой. И при этом рассказал, что отец Серафим, по дивному дару прозорливости, знает всю его жизнь; что он ме-

щанского сословия и всегда занимался хлебной торговлей, чем и содержал свое семейство, но из любви Божией, без рассуждения, без путеводителя и без отеческого благословения, пожелал странствовать и поэтому, без всякой помощи оставив свое семейство, с годовым паспортом отправился босиком и в веригах в Киев. «Там, — говорил он, — встретил я старца, который велел мне отправиться в Саровскую пустынь, придти к отцу Серафиму и послушаться его во всем, что повелит он, потому что это будет истинный путь мой. А теперь старец предупредил меня сам, и мне остается только возблагодарить милосердного Бога и возвратиться домой, по указанию человека Божия».

Мещанин города Кадома Алексей Петрович Андронов незадолго до кончины отца Серафима, по чувству глубокого уважения и любви к нему, отправился в Саровскую пустынь и взял с собой двух воспитанников, окончивших курс в семинарии и ожидавших служебного назначения. Когда они пришли к старцу, то он благословил их всех, одному из воспитанников сказал: «Поспеси домой: у тебя дома пожар; горят хлеба, и ты должен помочь родным». Другому тоже велел скорее ехать домой, «потому что там уже его ожидают, чтобы он занял свое место». Воспитанники изумились этим словам, но по возвращении домой каждый из них убедился, что от чудного старца ничего не скрыто.

Крестьянин Лихачевский Ефим Васильев подрядился однажды поставить шпиль на монастырской башне в Саровской пустыне. Когда все было

готово и народ начал молиться, а он с несколькими работниками стоял на кровле башни, чтобы посмотреть за работою и правильно поставить шпиль на своем месте, вдруг пришло ему на ум: зачем он не попросил на это дело молитв и благословения отца Серафима, — тогда бы уж знал наверное, что все кончится благополучно. Только что он подумал об этом, как тотчас же увидел самого отца Серафима, вышедшего из своей келлии на крыльцо и трижды благословившего его.

До нашего времени дошли и такого рода сведения, из которых мы усматриваем не только пользу от прозорливости отца Серафима, но и объяснение тому, как этот дар Божий действовал в нем. Раз пришли к отцу Серафиму в монастырскую келлию строитель Высокогорской пустыни иеромонах Антоний и приезжий из Владимирской губернии купец. Они вошли вместе. Строителя отец Серафим попросил сесть и подождать, а с купцом стал немедленно говорить. Милостиво и ласково он обличал его в пороках и делал наставления: «Все твои недостатки и скорби, — говорил он, — суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправи пути твои». Пространная речь его на эту тему проникнута была столь трогательно теплою сердца, что и купец, к которому она прямо относилась, и строитель, для которого она была делом сторонним, тронуты были, в буквальном смысле, до слез. В заключение отец Серафим советовал купцу поговорить в Сарове и причаститься Святых Таин, обнадеживая, что Господь, в случае искреннего покаяния, не отнимет от него Своей благодати и милости. По окончании беседы ку-

пещ, настроенный к благочестию, поклонился старцу в ноги, благодарил его от всей души за его душеполезную беседу, обещался исполнить, что слышал, и, прося молитв отца Серафима, вышел из его келлии весь в слезах.

Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лет пользовавшийся вниманием и уважением отца Серафима, осмелился спросить его:

— Батюшка! Душа человеческая перед вами открыта, как лицо в зеркале: в моих глазах не выслушавши духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы все ему высказали.

Отец Серафим не сказал ни слова.

Строитель продолжал:

— Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничто не сокрыто в сердце ближнего.

Отец Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

— Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу и один Бог сердцеведец, *а приступит человек, и сердце глубоко* (Пс. 63, 7).

За сим рассказал он, как некоторые укоряли св. Григория Богослова за то, что приблизил он к себе Максима-циника. Но святитель сказал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческого, а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня велико».

Строитель опять спросил:

— Да как же, батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

— Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, яко к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, — в таких случаях всегда делаются ошибки.

Весьма назидательную и много объясняющую сию беседу старец заключил так:

— Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю.

Эту беседу нам передал лично почтенный отец архимандрит Антоний, бывший в то время строителем Высокогорского монастыря, впоследствии наместником Сергиевой Лавры.

Исцеления при посредстве молитв старца Серафима

Некоторые по своей вере, при жизни отца Серафима и при посредстве его молитв, получали

исцеления. Так, в 1830 году прибыла в Саров одна больная, бывшая впоследствии игуменьей в г. Слободске, Вятской губернии. Она страдала водяной болезнью; тело у нее все опухло и пожелтело; расслабление чувствовалось в такой степени, что она с большим трудом достигла Сарова. На дороге два раза останавливалась и однажды так была слаба, что в Нижегородском женском монастыре ее уже напутствовали к смерти.

По прибытии в Саров, пришла она, в числе других посетителей, в келейные сени отца Серафима и села позади других. Старец же, раздвинув толпу посетителей, подошел прямо к ней, протянул ей руку, приняв от нее полотенце ее рукоделия, трижды утерся им и, сказавши: «Иди, радость моя, за мною», — привел ее в свою келлию. Здесь он благословил ее, дал просфоры со святой водой и, отпуская от себя, сказал: «Завтра мы с тобой увидимся».

На другой день старец принимал посетителей в ближней пустынной келлии, около своего источника. Он вышел к ним в полумантии, с зажженной в руках свечей, начал благословлять всех, говоря каждому потребное на пользу души. После всех подошла к нему и больная. Взглянув на нее, он сказал: «Ты, матушка, очень нездорова?» — и потом, благословляя, продолжал: «Поди, умойся в ключе и напейся — и будешь здорова». Больная отвечала: «Уж я пила, батюшка, и умылась, когда пришла сюда». Тогда он сказал опять: «Возьми, матушка, возьми воды-то из ключа с собой, пей и умывайся, и тело-то омой: апостолы Христовы исцелят тебя, будешь

здорова». А как она сказала, что при ней нет сосуда, в котором можно бы унести воды с собой, то старец вынес ей из своей келлии небольшой кувшинчик и повторил как при сем случае, так и после возвращения с водой прежние слова свои.

Возвратившись в гостиницу, больная тотчас же исполнила во всей точности совет старца, не опасаясь употребления воды в водяной болезни и не слушаясь тех, которые, бывши с нею, запрещали это: на другой день она встала с постели совершенно здоровой. Вода из нее вытекла, опухоль уничтожилась, боль стихла, возвратилась крепость сил; лицо покрылось естественной белизной. Больная точно переродилась, и те, которые видели ее еще накануне, утром почти не узнавали.

Перед отправлением в обратный путь отец Серафим прислал ей и двум ее спутницам, вместе с благословением: выздоровевшей — палочку с клюкой, одной из спутниц — палочку же с четырьмя отростками, а другой — простую палочку. Последствия показали, что с каждым из этих знаков соединялось особое значение, которого в то время они не поняли. Выздоровевшая, поступив в монахини под именем Пульхерии, была игуменьей в женском монастыре города Слободска, Вятской губернии. Первая из спутниц, с тремя своими отростками (двумя сыновьями и дочерью) — все четверо приняли монашеский сан; вторая спутница также поступила в монастырь.

В предыдущем рассказе упомянуто об источнике Серафимовом и его целительной силе.

Вот что рассказывает об этом событии саровский иеромонах отец Анастасий. Раз случилось ему быть у батюшки отца Серафима около его колодца. Старец между беседой сказал ему: «Вот, батюшка, я молился, чтобы вода сия в колодце была целительной от болезней». Этим объясняются нынешние свойства воды, текущей в Серафимовом источнике, которых прежде она не имела. Во-первых, вода сия, как замечают, никогда не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Некоторым хотелось бы объяснить это качество минеральными веществами, входящими будто бы в состав ее. Но известно, что и минеральные воды изменяются и подвергаются порче, даже очень скоро, при дурной укупорке. Во-вторых, водой из Серафимова источника во всякое время года многие омываются, и здоровые, и больные, и не только никто не получает от этого вреда, а напротив, многие, как видим, получали исцеление. Так после смерти отца Серафима княгиня Е.И.Е. рассказывала относительно целительных свойств Серафимова источника следующее: «Двоюродная сестра моя В.Н. очень страдала припадками и боялась всякой святыни, с которой подходили к ней. Лекарства, как это часто бывает, не помогали ей. Нечего делать, повезли ее в Саров к отцу Серафиму. Старец дал ей сухариков и велел умыться в своем источнике. С той минуты болезнь ее совершенно прошла, и она живет благополучно у детей своих».

Вот что говорится еще в письмах Марии Кол., современницы отца Серафима, лично знавшей

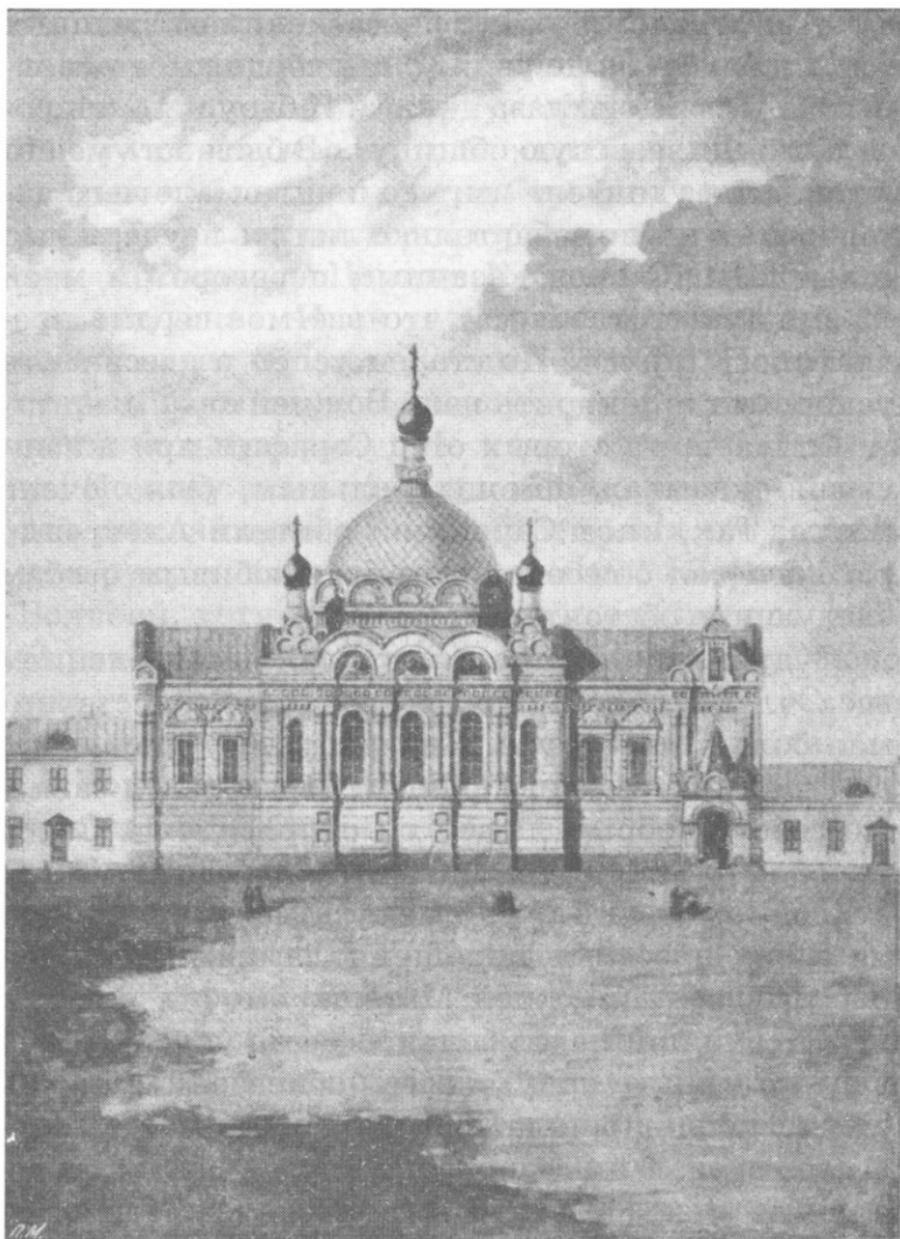
его, — в письмах, которые писаны были к затворнику Георгию в первое полугодие после кончины Саровского подвижника.

«Я опять перехожу к отцу Серафиму, как источнику моей радости. Мне и в присутствии моем другим сказывала Мавра Львовна, генеральша Сипягина. Она была больна, чувствовала в себе ужасную тоску и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом Церкви. Когда она пришла к отцу Серафиму просить помощи, старец приказал ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась: вдруг, без всякого принуждения, из нее гортанью вышло множество желчи. И после сего она стала здорова».

«Также Татьяна Васильевна Барина, в бытность свою у отца Серафима, жаловалась ему на свою болезнь; а у ней на руке был непроходимый лишай, и вся рука была обвязана. Батюшка отец Серафим приказал ей вымыть руку водой из источника. Татьяна же Васильевна сперва подумала: “Ах! Как я это сделаю, если и от малейшего прикосновения сырости болезнь руки усиливается?” Однако же на сей случай она не затруднилась оказать послушание и свою руку умыла. Тотчас же как бы чешуя слезла с руки ее вместе с кожей, и с тех пор руки ее чисты».

«Многим, даже в ранах, отец Серафим приказывал окатиться водой из его источника. Все получали от этого исцеление — и в различных болезнях».

Повествования свои о целительности источника Мария окончила так: «Жизнь батюшки отца Серафима и чудные дела Божии в нем меня раду-

*Вид храма Живоначальной Троицы над келлией
преподобного Серафима*

ют. А как вспомню о его переселении от здешних и что я более его не увижу, так сердце мое исполняется горести и глаза — слез. Я бы у него попросилась в Дивеевскую общину... В бытность у него я так была удивлена им, что нашла мало чего поговорить с ним о себе: только лились неудержимо мои слезы. С предсказанным переворотом моей жизни мне показалось, что все мое сердце превратилось в плач. Но старец успел и здесь меня успокоить и покорить воле Божией».

Случаев, в которых отец Серафим при жизни своей оказывал помощь больным, было очень много. Так, инок Саровской обители Александр рассказывал о себе многим боголюбивым особам следующие обстоятельства.

Будучи еще в мире, он страдал расслаблением всех членов, особенно же его мучила нестерпимая боль в одном ухе. Лекарства ему нисколько не помогали. В ухе, наконец, образовался завал. По совету добрых людей он отправился в Саров просить молитв и помощи отца Серафима. Когда больной, вошедши, упал ему в ноги, то старец, ни слова не говоря, подошел к лампаде, горячей перед образом Божией Матери, омочил в масло перст свой и помазал больное место уха. Больной в ту же минуту почувствовал облегчение, а вскоре и вся боль прошла. Тут же старец, между прочим, сказал выздоровевшему: «Ты будешь наш», — и он, несмотря на значительные препятствия, действительно вступил в Саровскую пустынь.

По вступлении в монастырь у него чрезвычайно усилилось расслабление правой руки, и преж-

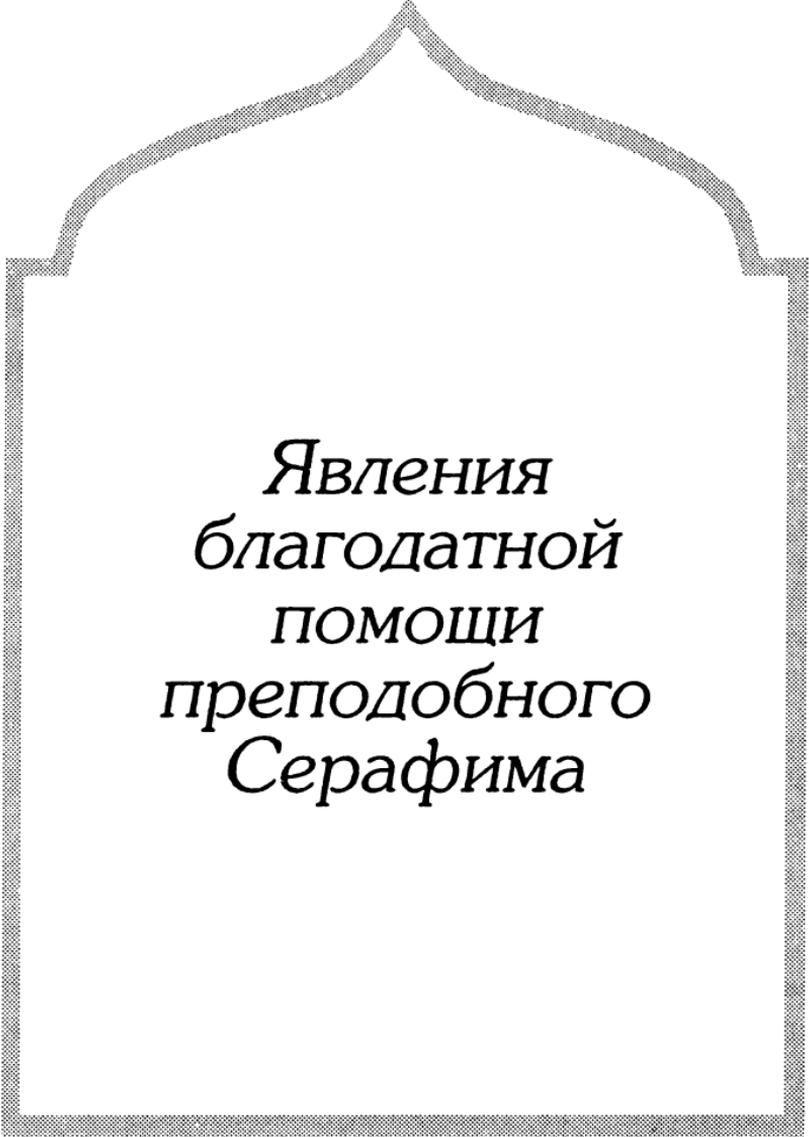
де ощущаемое. Инок не мог ни креститься, ни кушать правой рукой без поддержки левой. Опять пришедши к старцу Серафиму, он бросился ему в ноги, прося его благословения и помощи святыми молитвами. Отец Серафим весьма милостиво благословил его и с радостным лицом сказал: «Помолись Царице Небесной и положи ей три поклона». Инок тотчас же положил три поклона перед образом Божией Матери. После сего старец, взяв сосуд со святой водой, стал подавать ему в больную руку. Но инок отвечал: «Батюшка! Не могу взять этой рукой: она у меня болит и вся расслаблена». Тогда старец взял его за больную руку и, подавая сосуд, сказал: «Бери и пей». Больной, хотя с трудом и при поддержке отца Серафима, напился. Старец в заключение благословил его и с миром отпустил в келлию. «С того времени, — говорил инок Александр, — благодаря Бога, за молитвы отца Серафима, я не чувствую никакой боли в руке моей».

И в Дивееве, и в Сарове занимались работами многие из крестьян. Некоторые из них особенно близки были к отцу Серафиму; они питали к старцу веру и любовь, как к лицу, угодному Богу, и отец Серафим взаимно любил их. Некоторые из них таким образом сделались достоверными повествователями событий из жизни старца.

Так, Лихачевский крестьянин Е.В. рассказывал, что он в 1831 году, почувствовав в себе признаки холеры, тотчас же побежал к отцу Серафиму просить помощи и едва-едва мог доползти до его келлии. Старец приложил его к образу Божией Матери «Умиление», напоил святой водой и

дал вкусить несколько частиц от просфоры. Больной немного поуспокоился. Потом старец велел ему обойти кругом монастыря и, зайдя в собор, помолиться в нем. «Там, — сказал он, — милосердие Божие исцелит тебя». Крестьянин все это исполнил и, по милости Божией, возвратился в гостиницу совершенно здоровым.

Что касается собственно до писем, то отец Серафим часто, не распечатывая, знал их содержание и давал ответы, говоря, обыкновенно, так: «Вот что скажи от убогого Серафима и проч.» В этом удостоверяют многие боголюбивые особы, обращавшиеся с отцом Серафимом лично или через письма. После смерти старца в келлии его нашли много нераспечатанных писем, по которым, однако же, даны были в свое время изустные ответы.

Явления
благодатной
помощи
преподобного
Серафима

Явления благодатной помощи о. Серафима после кончины его

Исцеления от беснования В.К. От горячки Н.К. От беснования Ф. От болезни глаз Ф.В. Избавление от разбойников К-ва. Исцеления от болезни ног, от холеры, от беснования. Наказанное неисполнение заповеди старца. Рассказ святогорца. Исцеление от горячки. Исцеление больного дитяти. Облегчение головной боли. Исцеление от ушиба, от беснования. Возвращение зрения. Наказанное невнимание к портрету старца. Помощь родильнице.

Праведник вовеки живет, и праведный старец Серафим и после своего преставления продолжает сильным своим ходатайством перед Престолом Божиим являть заступление свое тем, которые с верой и усердием призывают его на помощь. Многие, одержимые тяжкими болезнями, находившиеся в трудных обстоятельствах жизни, удрученные скорбями и искушениями, гласно свидетельствуют о себе, что они получали скорую помощь, когда испрашивали ходатайства старца Серафима пред Господом. Таких случаев очень много, но мы приведем здесь только некоторые из них.

* * *

Не прошло полугода после кончины старца Серафима, как одна сестра Дивеевской обители В.К. подверглась, неизвестно отчего, припадкам беснования. В этом состоянии, теряя рассудок, она билась о землю, в исступлении рвала на себе волосы, с невероятной силой порывалась бежать прочь от людей без определенной цели. В одну ночь видит она себя в Дивеевской церкви во имя Рождества Христова; тут была сестра Д.Ф. и старец Серафим. Старец, взяв ее руку, вложил в свою, а под другую руку приказал взять сестре Д.Ф. и, введя больную в алтарь, обошел с ней вокруг престола: она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение, осмотрелась кругом, ощупывала свою остриженную голову, все ясно понимая, и встала сама совершенно здоровой. С тех пор уже не подвергалась прежним припадкам.

* * *

В июне 1833 года г-жа Колычева писала к Георгию, затворнику Задонскому, из Сарова:

Послушник Саровский Феодор, уроженец города Козлова, Тамбовской губернии, живши в мире, был подвержен беснованию и тяжело страдал. Испытав тщетно разные средства лечения, он явился к игумену Саровской пустыни о. Нифонту и со слезами просил принять его в обитель на жизнь покаянную, сознавая, что Господь за грехи попустил ему нести страшное искушение от диавола. Вняв убедительной просьбе, игумен принял его в обитель.

С полным усердием новоначальный инок исполнял возложенные на него послушания, а немногие свободные часы отдыха употреблял на молитву, оставляя для сна самое краткое время. В один день после слезной к Богу молитвы едва предался он дремоте, в тонком сне узрел пред собой старца Серафима в той одежде, какую обыкновенно носил в последние годы. Явившийся советовал ему отслужить молебен Божией Матери и панихиду об убогом Серафиме и по исполнении сего обещал ему выздоровление.

С несомненной верой в действенность молитвы почившего в Бозе о. Серафима, молодой инок немедленно выполнил повеленное старцем. По окончании молебного пения Богородице была совершена панихида. Когда диакон начал возглашать: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему иеромонаху Серафиму», — Феодор пал на землю и начался с ним припадок, во время коего в ужасных конвульсиях изо рта его показался дым, замеченный всеми тут находившимися. После сего он оставался около получаса в бесчувственном положении и с тех пор за молитвы старца Серафима навсегда освободился от беснования.

* * *

Два года спустя после кончины о. Серафима сестра Дивеевской обители Н.К. была больна горячкой и уже находилась при дверях гроба, так что, отчаявшись во всех способах врачевания, ее соборовали святым елеем. Во время болезни она

совершенно потеряла владение рукой, и ее перекладывали на постели, подложив платок.

Однажды видит она во сне о. Серафима. Он говорит ей:

— Что ты, матушка, не придешь ко мне на источник?

Она отвечала:

— Я больна: у меня рука отнялась.

— Которая? — спрашивает старец.

— Правая.

Старец, взяв ее за больную руку, поднял, повторяя:

— Приди ко мне на источник.

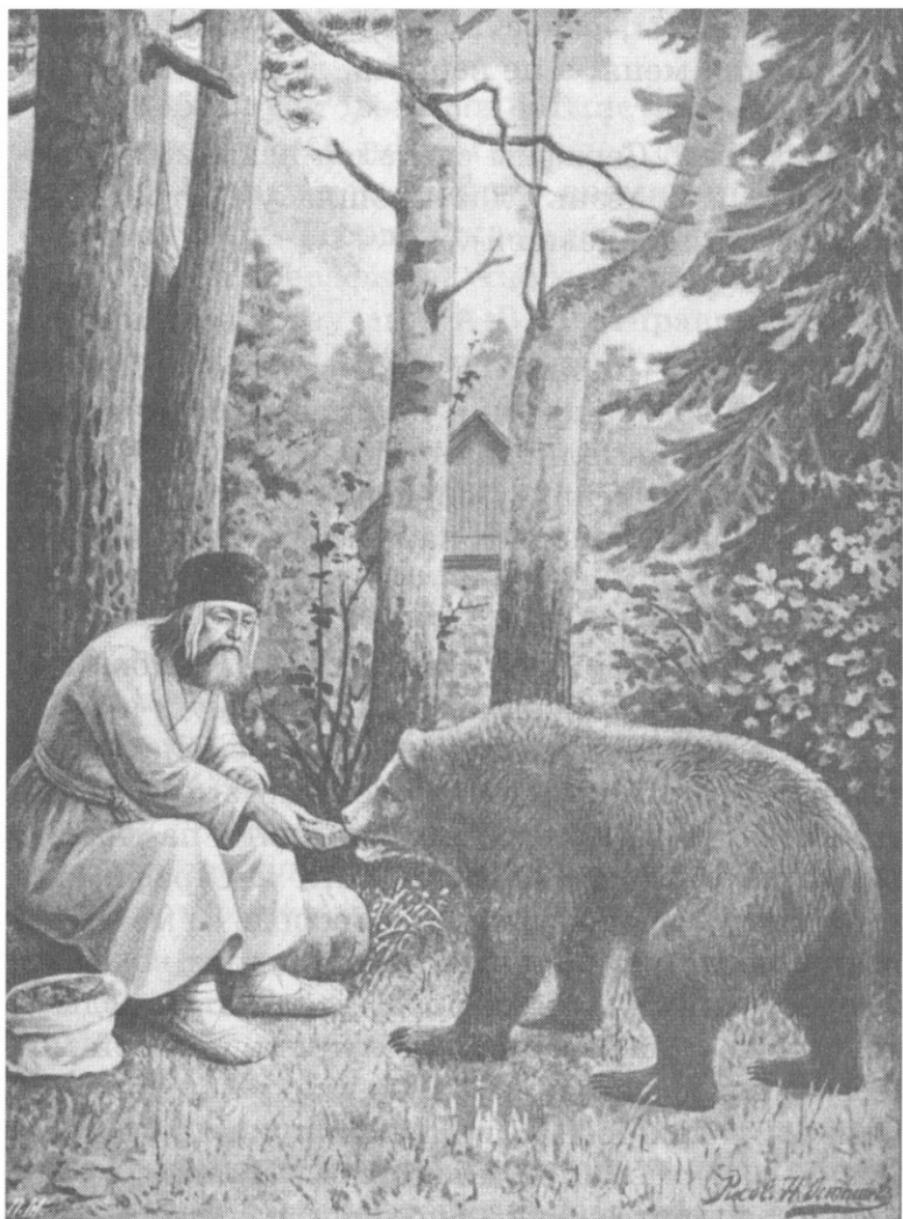
Проснувшись, она нашла руку свою исцеленной и могла действовать как здоровой. Но будучи слаба от бывшей горячки, не могла идти пешком в Саров: в тот же день ее повезли туда, облили водой из источника о. Серафима — и она получила полное выздоровление и обновление сил (рассказ самой сестры, 1862 года июля 20 дня).

* * *

Сестра Дивеевской обители Ф.В. сделалась больна глазами. Накануне нового 1835 г. видит она сон, что находится в церкви Тихвинской иконы Божией Матери. Отец Серафим выходит из Царских врат в белой ризе, подает воздух и велит отереть им глаза, а сам становится позади нее. Она спросила его:

— Ты ли это, батюшка?

Серафим отвечал:

*Преподобный Серафим,
кормящий медведя хлебом*

— Какая ты, радость моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю.

После сего Серафим сделался невидим. С этого времени болезнь глаз прошла у сестры (рассказ самой исцелевшей).

* * *

И. Яковл. Карат-в рассказывал о себе, что в 1833 г., возвращаясь в полк свой из домового отпуска, он, по молитвам старца Серафима, которого призвал в минуту опасности, был спасен от разбойников, напавших на него в дороге.

* * *

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, питавший особое уважение к о. Серафиму и им любимый, в 1834 г. приехал в Саров с семейством, в котором трехлетняя дочь болела ногами и почти не могла стоять. Отслужив панихиду на могиле почившего старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив дитя водой из сего источника и омыв ноги, взяли этой воды в монастырь с намерением отслужить над ней молебен с водоосвящением. При входе в монастырь дитя вдруг попросилось долой с рук няньки, выражая стремление идти самой. Нянька после долгого сопротивления наконец решила пустить и, взяв за руки, повела ребенка, но девочка выдернула свою руку и побежала вперед сама, как здоровая. Обрадованные чудом сродники исцелевшей поспешили на могилу о. Серафима и со

слезами благодарили его за милостивое ходатайство о них.

В 1846 году второй сын ротмистра А.В. Теплова вывихнул себе ногу и страдал от боли около 2-х лет. Между тем пришло время определения его на службу. Твердо уповая на предстательство и помощь о. Серафима, много являвшего благодеяний семейству его, А.В.Т. отправился в Саровскую пустынь. Отслужив панихиду по старцу Серафиму, несмотря на холод (это было 21 декабря 1848 г.), он отправился на источник о. Серафима с двумя сыновьями и большой вымыл водой из источника свою ногу. Через несколько часов оба брата пошли опять на источник. Болящий из них облился водой с головы до ног и потом на коленях перед иконами, утвержденными на особом столбе в часовне у источника, долго молился вместе с братом, прося Бога помиловать его за молитвы о. Серафима. Возвратясь домой, больной объявил, что не чувствует уже боли в ноге, и, находясь в совершенном здоровье, служил в кавалерийском полку.

* * *

Манатийный монах Саровской пустыни о. Кириан писал в 1840 году:

По смерти о. Серафима досталась мне шапочка из черной крашенины, которую он обыкновенно нашивал на голове своей. Издавна я подвержен был сильной и продолжительной головной болезни, от которой лежал по нескольку дней в постели. С приобретением шапочки я стал надевать ее на себя при появлении болезни и мыслен-

но просил молитв о. Серафима об избавлении меня от страданий. С возложением на себя шапочки всякий раз боль проходила. Такое же действие в зубной болезни приводилось мне испытывать неоднократно от отломка того камня, на котором блаженный о. Серафим подвизался в пустыне, когда я сей обломок клал на больные зубы.

* * *

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, села Большого-Череватова, удельный крестьянин Г.Д.С. в 1848 г. на дороге в село Окиль почувствовал припадки холеры. По вере к старцу Серафиму поехал поспешно на источник о. Серафима: умылся, окатился и напился воды из источника — и от этого почувствовал такое облегчение, как будто никогда болен не был.

* * *

Однажды привели к источнику о. Серафима бесноватую женщину: несчастная драла себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду из источника, и она закричала: «Пустите, пустите, замучил меня монах!» Несмотря на это, на нее продолжали лить воду до тех пор, пока она не пришла в спокойное состояние и забылась. Придя в себя через несколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестным знаменем, сама напилась воды из источника, и с того времени прежние припадки не возвращались к ней.

*Место камня, на котором преподобный Серафим
молился 1000 ночей*

* * *

Помещик Нижегородской губернии Д.А.А., благотворитель Дивеевской общины, об упокоевании души которого ежедневно читается Псалтирь по правилам той обители, под старость лишился зрения, так что ничего не мог видеть. С этой потерей он лишился и другого наслаждения, которое чувствовал при чтении книг Св. Писания и Отцев Церкви. Занятие это было единственным утешением его старости. Отягченный скорбью, он послал нарочного к двоюродной сестре своей Е.А.Б. с уведомлением о своей печали и с просьбой навестить его.

Сестра, услышав от посланного о несчастье брата, тотчас же послала ему воды из источника о. Серафима, которую она всегда имела у себя в доме. Этот подарок очень утешил старца, и он немедленно приступил к исполнению переданного от сестры наставления, как поступают с этой водой. «Я приказал, — говорил он, — подать себе чистое полотенце, намочил его водой от источника Серафимова и потом приложил его к больным своим глазам с молитвой: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами угодника Твоего Серафима исцели меня. Я повторил это три раза.

И вот когда через несколько минут я отнял в первый раз полотенце от глаз своих, увидел все, что меня окружало, как бы в каком тумане или как бы сквозь самое частое сито. Во второй раз я начал уже различать предметы, и наконец, после третьего раза, я в состоянии был даже читать; болезнь моя совсем миновалась. Изумленный этим внезапным и столь чудесным исцелением, за мо-

литвы угодника Божия Серафима, я поспешил прежде всего в Саровскую пустынь, чтобы отслужить здесь благодарственный молебен Господу Богу и Пречистой Его Матери и панихиду по о. Серафиму, а потом положил себе за правило ежегодно уделять часть своих доходов Дивеевской женской общине, зная, какое отеческое попечение имел о ней благодетельный старец Серафим».

* * *

Года за полтора до кончины о. Серафима, Н.М.К., бывши со своей женой в Сарове, в беседе со старцем получил от него одно приказание, вроде заповеди для жизни супружеской. О. Серафим с ангельской улыбкой сказал: «Если вы этого не исполните, то ты и она скоро умрете». Пока жив был о. Серафим, с помощью Божией, они соблюдали заповедь старческую, но потом мало-помалу стали позабывать ее и несколько раз преступили. После этого внезапно Н.М.К. сделался болен расслаблением всех членов и чем-то вроде сильной горячки, так что через две недели после того, как слег в постель, он лишился голоса, губы его помертвели и он был совершенно безнадежен.

В тот самый день, когда уже смерть готова была взять свою жертву, утром приходит к нему пользовавший его лекарь Д.А.В. и рассказывает окружавшим больного свой сон. Ему представилось, что он шел к К., и вдруг попался ему навстречу седой старичок в лаптях и в рубище, который остановил его и сказал: «Ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь, и он должен умереть; но ты скажи

ему, чтобы он дал пред Богом какой-нибудь обет — и тогда он останется в живых».

Больной слышал этот рассказ лекаря и по уходе его стал размышлять о слышанном. Тотчас понял он, что этот старичок был не иной кто, как отец Серафим, хотя уже скончавшийся, и что настоящая болезнь была следствием нарушения заповеди. Тогда К. начал горько раскаиваться в своем поступке и дал обет Богу, что если останется в живых, то возьмет под свой покров одну из своих родственниц, сироту Надежду. Только он сделал в душе своей этот обет, как почувствовал мгновенно облегчение болезни: через несколько минут сел сам собой на постели и потом начал звать жену обыкновенным голосом здорового человека и вместе с ней изливал перед Господом радостные слезы о дивном, благодатном исцелении, дарованном ему отцом Серафимом. На другой же день больной стал ходить по комнатам и вскоре совершенно выздоровел.

* * *

Известный и всеми уважаемый под именем Святогорца русский подвижник Афона, иеромонах Серафим, в схиме Сергей, в своих келейных записках передает следующее обстоятельство:

В 1849 г., при моем отъезде из Вятки, я заболел. Болезнь моя была убийственна: я не думал, что останусь жив, потому что враг сильно восставал на меня. Никакие средства обыкновенные не могли меня восставить и возвратить мне силу и здоровье. Я отчаялся. Только в первый вечер 1850 г. вдруг как будто кто-то тихо говорит мне:

«Завтра день кончины о. Серафима, Саровского старца, отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду — и он тебя исцелит». Это меня сильно утешило. А надобно было сказать, что я хотя лично и не знал о. Серафима, но в 1838 г., бывши в Сарове, посещал его пустыньку и с той поры возымел к нему веру и любовь.

Эта сердечная привязанность и вера еще более утвердилась во мне, когда в 1839 году мне снилось, что я служу молебен о. Серафиму, от всей души и громко воспевая: «Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!» Только по шестой песни мне нужно было читать Евангелие, и меня затрудняла мысль, какое же читать Евангелие — преподобного такое ли или другое какое? Вдруг кто-то говорит мне: «Читай от Матфея 36-ое зачало». При этих словах таинственного голоса я пробудился.

С той поры и поныне я искренно верую, что о. Серафим великий угодник Божий. Но обращусь к начатому. По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению о. Серафима, я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нем литургию и панихиду; и лишь только это сделал — болезнь моя миновалась: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприязненного. И с той поры поныне благодатию Божиею здоров.

(Соч. и письма Святогорца. С.-Пб. 1858, с. 209).

* * *

Е.П.М. рассказывала такой случай со своей теткой.

В 1854 г. она приехала в Дивеевскую обитель помолиться и после всенощной, вспотевши, вы-

пила два стакана воды, отчего открылась в ней сильная горячка. Три недели больная не пила, не ела и не спала; на четвертой неделе болезни сделался обморок. На выздоровление не было надежды; больная была напутствована таинствами к смерти. Но бывшая спутницей больной смоленская инокиня, ездившая для сбора подаяний на свою обитель, повергшись пред иконой Богоматери, молила о. Серафима испросить у Царицы Небесной продолжение жизни болящей.

Однажды утром она подходит к болящей и говорит:

— Какой я видела сон о вас.

Больная с трепетом сказала:

— Верно о моей смерти?

— Нет, вы будете живы и здоровы, о. Серафим мне сказал.

Больная, не поднимавшая доселе головы с подушки, встала и села, говоря:

— Ну, рассказывай скорее!

Та рассказала, что о. Серафим, успокаивая ее, сказал ей: «Будь спокойна: раба Божия Евдокия будет жива. Я молил Господа и Пречистую Его Матерь».

Потом видела во сне, что будто он взял больную, повел по канавке, обвел кругом собора и привел к образу Умиления Божией Матери, вложенному в стене собора.

Выслушав сей рассказ, больная почувствовала себя совершенно здоровой. На другой день, желая подышать свежим воздухом, велела кучеру везти себя куда-нибудь, не назначая пути. Он повез ее по канавке, потом обвез кругом собора и к

образу Божией Матери Умиления. Так исполнились слова старца Серафима, сказанные в сновидении смоленской инокине.

(Это исцеление записано было рукой самой болящей под иконой, стоявшей на источнике.)

* * *

В 1856 г. единственный сын вице-губернатора Костромской губернии, действительный статский советник А.А. Борз-ко, будучи восьми лет, начал страдать спазмами в желудке. Болезнь эта, сначала довольно легкая, скоро превратилась в сильную, с припадками. Спустя несколько времени спазмы прекратились, заменяясь тоской, так что дитя, совершенно веселое и здоровое, вдруг делалось скучным. Тоска усиливалась постоянно, и припадок оканчивался слезами, а нередко и появлением пены изо рта. Наконец явились спазмы в дыхательном горле. Припадки болезни обнаруживались в день раз по пяти, а ночью дитя спало спокойно, только в последний период болезни припадки стали появляться и ночью. Медицинские пособия мало приносили пользы, и родители опасались уже лишиться своего сына, и только упование на милость Божию сохраняло в них еще некоторую надежду.

В это время хорошо знакомая сему семейству рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С.Д. Дав-ва, впоследствии игуменья той обители Мария, отправляясь посетить некоторые монастыри русские, подарила матери больного дитяти описание жизни и подвигов отца Серафима Саровского. Родители часто чи-

тали вместе эту книгу, дивясь подвигам старца и действиям благодати Божией, в нем открывшимся.

Была половина сентября, а болезнь дитяти, начавшаяся в июле, все продолжалась. В одну ночь ребенок видит во сне Спасителя в красной одежде, окруженного Ангелами, Который говорил ему: «Ты будешь здоров, если исполнишь то, что тебе приказано будет старцем, который к тебе придет». Когда это видение кончилось, явился старец и, назвав себя Серафимом, сказал дитяти: «Если желаешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящего в Саровском лесу и называемого Серафимовым источником, и три дня, утром и вечером, водой этой омой себе голову, грудь, руки и ноги и пей ее». Этот сон ребенок рассказал няне, которая передала его родителям, перед которыми и сам он повторил свой рассказ. Возблагодарив Бога за милость Его, родители недоумевали, как достать воды, и предались воле Божией, надеясь, что Господь укажет им способы к сему.

Наутро больной ребенок рассказал другой сон. К нему явилась Божия Матерь, окруженная Ангелами, и с любовью показывала исполнить непременно то, что советовал о. Серафим. Это второе видение еще более удостоверило родителей в заступничестве отца Серафима и милосердии Божиим к больному. Тогда как они рассуждали о том, как достать воды, приносят записку от С.Д. Дав-вой, которая извещала мать больного о своем возвращении из путешествия. Первой мыслью родителей было просить Д-ву научить

*Источник преподобного Серафима
с часовней и купальней*

их, как достать из Сарова воду из источника о. Серафима. В ответ на эту просьбу она прислала бутылку воды, почерпнутой в источнике о. Серафима. Видя в сем особую милость Божию, возблагодарив Бога, начали употреблять воду по наставлению, данному во сне.

Дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело. Тогда же родители, если не за себя, то за сына, дали обет непременно быть в Сарове и помолиться на гробе отца Серафима. Обстоятельства службы и семейные только в 1860 г. июля 14-го дали возможность г. Б-ко вместе с сыном исполнить свое обещание — быть в Сарове. И тогда он собственноручной запиской объявил настоятелю Саровской обители об исцелении своего сына по предстательству блаженного старца Серафима.

* * *

Тамбовской губернии, Шацкого уезда помещик полковник В.А. Пан-в страдал постоянно головной болью. В 1857 году приехал он к 15 августа в Саров, в самый праздник Успения Пресвятой Богородицы. Отстояв в больничной церкви раннюю обедню, он пожелал до поздней сходить на источник о. Серафима. Но мысль, что жена будет дожидаться на гостинице с чаем, смущала его, и он уже направил шаги свои к гостинице, но вдруг, сам не зная как, очутился по дороге к источнику. Пришедши туда, он все боялся облить водой больную свою голову, чувствуя в ней шум и ломоту, а утро было холодное, сырое, и шел маленький дождь. Здесь невидимая рука Бо-

жия устроила его исцеление чудесным образом. Нечаянно ноги его поскользнулись на мокрой глине, и он упал у источника прямо головой под желоб: невольно облит он был весь целительной водой. Не боясь более простуды, больной, поднявшись на ноги, сам несколько раз еще обливал голову и не чувствовал ни малейшей боли.

Когда полковник П-в возвращался в монастырь, с ним встретился крестьянин, который поведал в свою очередь следующее о своем исцелении: «Вот меня сегодня исцелил батюшка Серафим! У меня болела рука, распухла, затверделась и не поднималась, я и пришел в Саров с этой болезнью. Сегодня помочил ее два раза водой из источника, и рука совершенно стала здорова».

Пришедши на гостиницу, полковник рассказывал всем об этих двух исцелениях.

* * *

1858 года сестра общины Дивеевской Евдокия в среду на пятой неделе Великого поста вместе с другими сестрами набивала льдом огромный общий ледник, глубиной в три сажени. Нечаянно поскользнувшись с доски, положенной над срубом, она упала на самое дно ледника, где было несколько льду, набросанного острыми глыбами. Несчастная от сильного удара не испустила ни малейшего стога. Прочие сестры в это время все были вне ледника, хлопотали около саней своих. Когда старшая заметила, что нет одной из них, спросила: «Где Евдокия?» — никто не знал, что сказать. Взошедши в ледник, они на дне его, в темноте, увидели ее в своей одежде. Ужас пора-

зил всех: полагали, что она уже мертвая. Двое мужчин, с помощью сестер, с величайшим трудом вынули ее из ямы. Видя, что она жива еще, возблагодарили Господа, отнесли ее в самую ближайшую келлию, побежали за духовником и, по благословению настоятельницы, послали в село Вертьяново за лекарем.

Спустя несколько часов страдальца пришла в чувство, исповедалась и приобщилась Св. Таин, жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, на которой показалось много шишек. Приехавший лекарь сделал необходимое кровопускание, но сказал, что ушиб очень опасный. Весь бок разнесло опухолью; нельзя было узнать, нет ли переломов в ребрах, а прикосновение к ним повергало в продолжительный обморок. Через четыре дня перевезли ее в больницу, но и там страдавшая вскрикивала и стонала, когда четверо едва могли взять ее, чтобы приподнять на подушки; лежала она все на одном правом боку.

Спустя две недели после ушиба, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на Великий четверток забылась она тонким сном и видит, что батюшка Серафим, вошедши в келлию, где лежала больная, сказал:

— Я пришел навестить своих нищих; давно здесь не был, — и, говоря это, подошел к кровати больной. Она с горькими слезами говорит ему:

— Батюшка, как у меня бок-то болит!

Старец, сложивши три перста правой руки, крестил ее расшибленное место, говоря:

— Прикладываю тебе пластырь и обязанности.

Повторивши это три раза, он стал невидим.

Евдокия открыла глаза — в келлии была совершенная пустота и тишина. Она опять заснула скоро. Проснувшись в 5 часов утра, увидела себя лежащей на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней батюшки Серафима, она говорила, что долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте. В тот же день больная одна, без всякой помощи, встала с кровати, прошла несколько раз по келлии и рассказала всем о чудесном своем исцелении, исповедалась и приобщилась Св. Таин, укрепляясь духом и телом за молитвы старца Серафима.

* * *

Рязанской губернии и уезда крестьянская молодая женщина Ольга И. получила припадки мучительной болезни, которая сопровождалась икотой, зевотой, омрачением зрения и иступлением. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала в лоскутья свою одежду. Страдания ее продолжались 8 лет.

В 1858 году с тремя странницами она пошла в Саров и Дивеево; дорогой чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мере приближения к Сарову припадки ее усиливались, а увидав его, она легла на дороге и решительно не хотела идти далее. С большим усилием привели страждущую в Саров. После молебна Царице Небесной и панихиды по отцу Серафиму отправилась она с спутницами своими на его источник. Здесь припадок был необыкновенно сильный; она кричала: «Что ты меня душишь! Я силен, что

ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!» Ее ударило несколько раз замертво о землю, часа два она была слепой и немой. Наконец злой дух закричал: «Три вышло, один остался».

Спустя сутки она приобщилась в Сарове Св. Таин и отправилась в Дивеево. Не доходя же за полверсты до монастыря, она упала на землю. Несколько раз на дороге перевертывало ее как колесо; с большим усилием довели больную к вечеру до гостиницы; всю ночь больная провела в беспокойстве и убежала бы, если бы ее не держали. Утром, не сказывая куда, повели ее в церковь Преображения Господня, где пустынька преподобного отца Серафима обращена в св. алтарь и хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силе нескольких человек, когда тащили ее в церковь. Злой дух кричал: «Выйду, выйду, буду молчать». С распростертыми руками, ногами и раздувшейся шеей и животом потащили ее к камню Серафимову. Положив на него больную, накрыли ее мантией, возложили на нее епитрахиль старца: больная сильно кричала, и после того, как на руки надели ей рукавички отца Серафима, она сделалась как бы мертвая.

Мало-помалу шея, живот и все члены начали приходить в естественное положение; пробыв без чувств часа полтора, больная совершенно пришла в себя, молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцеление, но была слаба, не могла говорить много, а все рассказываемое о ней спутницами подтверждала, подтверждала и то, что ей никогда не было так

легко и покойно, как теперь. Настоятельница общины благословила ее на дорогу портретом отца Серафима и частичкой от его камня. На другой день, отстоявши обедню, молебен и панихиду, она отправилась в Москву.

* * *

Города Пензы мещанская жена Евдокия Очкина рассказывала следующее.

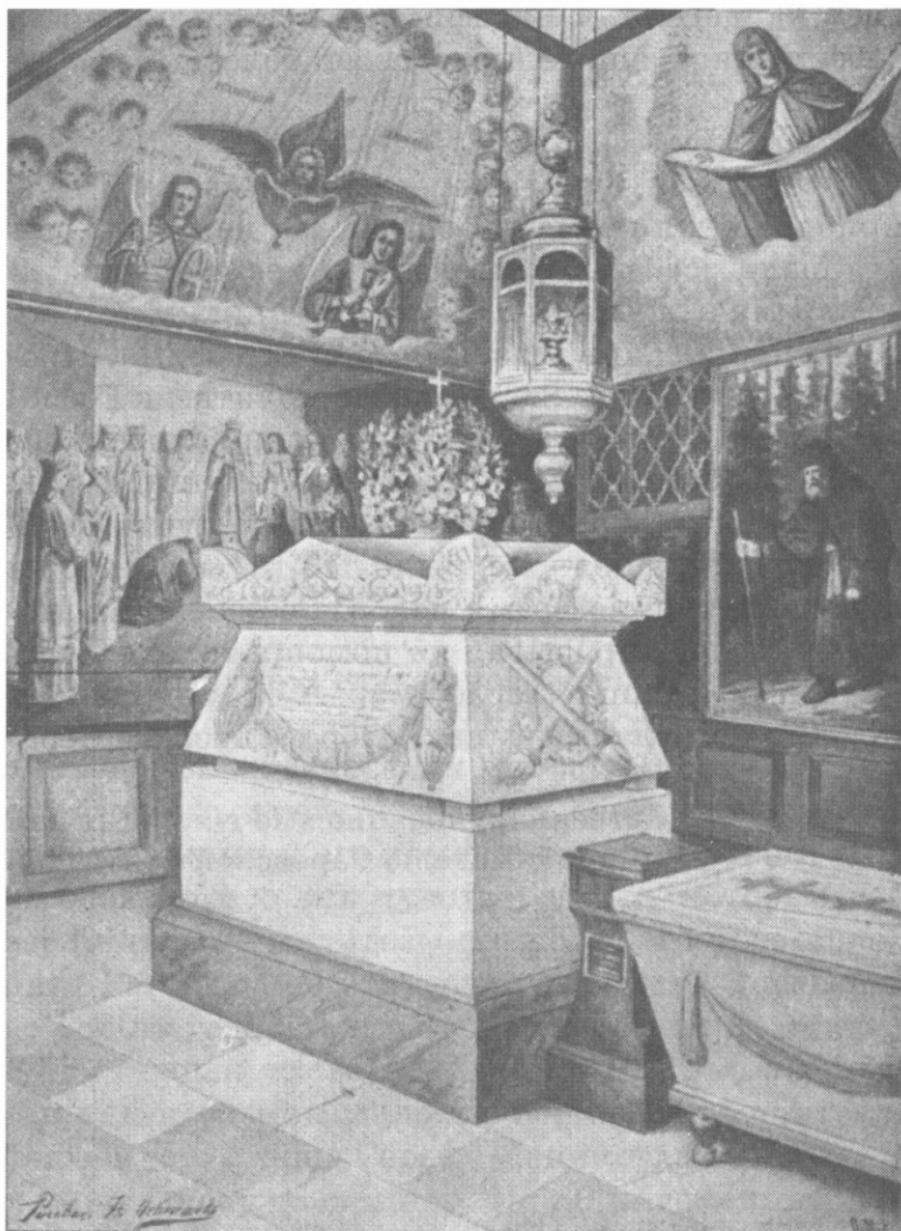
В 1843 году ходила я в саду с трехлетней дочерью моей Елизаветой; не знаю как, к бахrome моего платья пристал репей. При снятии его, вероятно, соринка отлетела и попала в глаза девочки. Елизавета моя вдруг вскрикнула и, закрыв оба глаза, стала плакать, проливая потоки слез. Я призывала старушек осмотреть, что с нею; они искали сор языком, выворачивали глаза на кольцо, но дочь моя окончательно лишилась зрения. Прошел год; в Пензу приехал из Петербурга доктор: я носила к нему слепую, но ее глаз невозможно было и ему рассмотреть: никакие средства не помогли ему открыть сжатых и как бы сросшихся век. Доктор отказался от помощи.

Еще год спустя ослепшая дочь моя сидела около меня на полу; я положила ей на колени игрушки: она ощупью перебирала их. Я плакала, глядя на нее, и говорила мысленно: «Отец Серафим! Помолись Господу, чтоб открылись глаза слепой моей дочери, я к тебе в Саров пойду пешком». В эту самую минуту она вспрыгнула на ноги и бегом побежала по комнате. С тех пор она стала видеть, как и прежде; но, проживши около двух лет, скончалась.

Я же, грешная, совсем забыла о данном мною обещании насчет путешествия в Саров и за это была вторично наказана. Другая дочь моя, Мария, будучи тоже трех лет, сильно заболела глазами; примочки и лекарства не помогали ей; тут-то я вспомнила, что обещалась идти в Саров. Не мешкая нимало, я отправилась в путь, и в тот же самый день, как служила панихиду по батюшке Серафиме, малютка моя исцелилась. Только на одном глазу остался знак — не то, чтобы бельмо, но маленькое пятнышко, которое, впрочем, не мешает ей видеть, как бы в память того, что мать забвением обещания прогневала человека Божия. В 1858 году она была в Дивееве со своей 15-летней дочерью Марией и написанное рассказала сама.

* * *

В 1859 г. жена почтмейстера города Темникова, получив из Сарова портрет старца Серафима, писанный на осколке от камня, на котором старец стоял и молился, хотела послать его в подарок своему благодетелю в Тамбов. С этой мыслью, забывшись сном, она видит старца Серафима, который, строго взглянув на нее, сказал: «Почему же ты не хочешь сама иметь мой портрет?» — и с этими словами ударил ее по плечу. Проснувшись от сего, она почувствовала трясение во всем теле; плечо, по которому сделан удар, и рука совершенно оцепенели, как бы разбитые параличом. Она немедленно отправилась в Саров, отслужила панихиду, с усердием моли-

Надгробие над могилою преподобного Серафима

лась на могиле о. Серафима и тут же получила совершенное исцеление от своей болезни.

* * *

Г-жа Ал-ва, будучи беременна, весьма боялась приближения времени родить, так как роды всегда были особенно тяжелы для нее и опасны. В это время зашел к ним в дом странник, у которого было описание жизни старца Серафима. Прочитав эту книгу, г-жа А., после молитвы к Господу Богу, положила свое упование на блаженного старца Серафима и просила его помощи. После этого она почувствовала себя гораздо лучше; всякий страх прошел уже, было что-то радостное на душе. Наступило время родов. Без всякой помощи от людей, призывая на помощь только Богоматерь и старца Серафима, А-ва родила без прежних страданий сына, которого назвала Серафимом.

(Собственноручное письмо г-жи Лит-вой к настоятелю Саровской обители.)*

* Все изложенные здесь и ниже рассказы о чудесных исцелениях по молитвам старца Серафима Саровского заимствованы из 4-го издания книги: Житие старца Серафима. Собств. Саровской обители. Муром. 1893 г.

Продолжение рассказа о явлениях благодатной помощи о. Серафима после кончины его

Заявления четырнадцати лиц о получении ими благодатной помощи по молитвам старца Божия. Письмо генерал-лейтенанта Врасского. Общий взгляд на благодатные явления помощи от о. Серафима и пути Промысла в его жизни.

В предыдущих главах после изображения подвижнической жизни старца Божия и сказаний о тех чудесных действиях милости Божией, которые по его предстательству совершились над прибегавшими к его помощи еще при жизни его, рассказано и о тех чудотворениях, которые совершились по молитвам его после его преставления. Рассказы об этих чудотворениях доведены до 1860-х годов, когда вышло 1-е издание книги. В настоящей главе эти рассказы продолжены, так как источник милости Божией по молитвам блаженного старца Серафима никогда не иссякал и не иссякает до сих пор. Из 80 письменных заявлений от лиц, получивших благодатную помощь по его молитвам в течение времени от 1860-х по 1890-е годы, заявлений, проверенных духовной комиссией, о чем упомянуто в преди-

словии к этой книге, здесь приводятся заявления 14-ти лиц, над которыми по молитвам о. Серафима совершились особенно замечательные проявления милости Господней.

* * *

Приводим прежде всего письмо г-жи Жуковской к игумении Серафимо-Дивеевского монастыря Марии:

«Однажды дочь наша, будучи лет пяти, захворала всеми признаками скрытой скарлатины, кинувшейся на мозг. Зная по опыту весь ужас этой болезни, я просила моего мужа, чтобы он побывал у отца Назария, священника Придворной госпитальной церкви, что у Полицейского моста в С.-Петербурге, и попросил бы батюшку скатить водицу с камешка св. старца Серафима. Узнав о болезни нашего ребенка, о. Назарий был так добр, что уделил нам и частицу камешка, сказав мужу, что когда будем скачивать с него воду, то в это время следует прочесть 3 раза “Отче наш” и столько же “Богородице Дево, радуйся”, опустив самый камешек в воду.

Перед возвращением мужа от о. Назария был у нас доктор, который мне объявил, что если болезнь примет дурной оборот, то больная будет жаловаться на головокружение, которое будет сопровождаться рвотой. Не успел доктор уйти, как все это обнаружилось, и больная стала бредить с открытыми глазами.

В это время мой муж возвратился домой. Узнав все мои опасения насчет больной, он мне сказал, подавая камешек: “Вот тебе лекарство”, —

объяснив как надо воду скатить. С благоговением поцеловала я этот камешек и немедленно приготовила водицу. Это было часов в 12 дня. Мой муж ушел на службу и возвратился в 4; в этот промежуток я старалась чаще поить больную с чайной ложечки; к приходу отца она вышла из забытья, а к вечеру спросила игрушки. Доктор, навестивши больную часов в 8 вечера, думал ее найти в опасном состоянии. Велико было его удивление, когда он нашел ее здоровой».

* * *

Красноярский купец Иван Латкин писал той же Дивеевской игумении Марии:

«В 1860-х годах я был с осени в г. Красноярске нездоров месяца два, даже и ходить не мог. Но хозяин, у которого я находился на службе, прислал за мной, чтобы я собирался ехать с ним в г. Томск. Фельдшер же, который меня тогда лечил, говорил мне, что ежели по четыре раза в каждые сутки я не буду переменять повязок моих ран, то я должен умереть. Несмотря на это, хотя и невольно, я должен был ехать с хозяином, и сидели мы в повозке рядом, а по случаю худой дороги ехали более трех суток до г. Томска, о болезни же я не смел сказать хозяину и перевязок во всю дорогу не делал.

В г. Томске остановились на квартире, где вечером, спустя довольно времени, лег я спать на диван боком и заснул. И вот вижу во сне — вошел старичок, в белом балахончике повыше колен и опоясанный. Подошедши ко мне, он ударил ладонью по моей ноге и сказал: “Вот не стал

лечиться и выздоровел!” Я тотчас же проснулся, достал огня и посмотрел на свои раны, с которых во всю дорогу не снимал повязок. К удивлению моему, и знаков болезни не оказалось, что обрадовало меня до такой степени, что я безотчетно несколько раз ночью бегал взад и вперед в часовню Иверской иконы Божией Матери с намерением купить книгу из житий Святых Отцев, но там спали, потому что было за полночь.

Когда стало светать, я опять побежал и, к радости и счастью моему, вижу, что монах сметает снег у часовни. Я спросил у него: есть ли книги из житий Святых Отцев, на что получил ответ, что есть. Монах отпер часовню и, вошедши, подал мне одну книжку. Я, помня лицо старца, виденного во сне, взял книгу в руки, раскрываю и вижу неожиданно этого самого старца. Это был батюшка отец Серафим, иеромонах Саровской пустыни, которого ранее я не видел и не знал».

* * *

Священник Гавриил Галицкий писал игуменни Дивеевского монастыря Марии следующее:

«1861 года в августе месяце я, вследствие простуды, а всего более вследствие грехов моих тяжких, был поражен тифозной горячкой. Лечился в городе Орлове, Вятской губ., но от лекарств мне легче нисколько не было, и час от часу болезнь моя становилась сильнее и сильнее, так что я отчаялся в своем выздоровлении, тем более что нельзя было мне принимать никакие лекарства, после всего у меня только делалась рвота. Кроме того, не было и сна.

Преподобный Серафим, идущий в свою пустыньку

В одну ночь я стал прощаться со своей женой, потому что чувствовал приближение своей смерти. Но жена мне сказала: “Если ты не надеешься жить более, то надобно умереть, по крайней мере по-христиански”. А у меня расположения очистить свою совесть покаянием и приобщиться Св. Таин не было, а было какое-то уныние и тоска. Это я высказал своей жене, и она со слезами упрашивала меня послать за протоиереем, хотя уже было 12 часов ночи. Я велел жене моей подать мне какую-либо книгу, в той надежде, что от чтения книги пройдет скука, и она подала мне книгу “Житие пустычника Саровского иеромонаха Серафима”. Почитавши эту книгу, я тотчас же принял намерение раскаяться в своих грехах и тогда же велел послать за протоиереем, который тотчас же пришел ко мне и напутствовал меня.

Дня через четыре после приобщения я отправился для лечения в г. Вятку, куда приехал вечером. Это было уже в первых числах сентября месяца. Утром на другой день, в 7 часов, приходит в мою квартиру старушка и предлагает мне купить портрет отца Серафима Саровского; я взял у нее два портрета, и она, отходя от меня, сказала мне: “Батюшка, когда придет время, не забудь Агафию”. Я, считая оба эти случая за указание Божие, обратился с молитвой к угоднику Божию Серафиму и дал обещание побывать в Саровской пустыни и отслужить панихиду на могиле о. Серафима.

С тех пор мне стало легче так, что через неделю лекарь мне позволил даже выезжать в мона-

стырь и в город, и я стал раскаиваться в данном обещании. И должно быть, вследствие этого раскаяния, болезнь моя снова усилилась так, что врачи, приглашенные мной, лечить меня отказывались, и последний из них, оператор Ф-н, сказал мне: “Батюшка, ездить к тебе я буду, но вылечить тебя слова не даю: ищите врача духовного”. Тогда я снова дал твердое обещание непременно быть в Саровской пустыни. И молитвами преподобного о. Серафима от болезни я исцелился вполне.

Будучи в Саровской пустыни, я купил книгу “Житие старца Серафима”, изд. 1863 г., и, читая оную, узнал, что первая настоятельница Дивеевской обители была Агафия. Вспомнил я в то время последние слова старушки, у которой я купил портреты отца Серафима, — “когда придет время, помяни Агафию”, — и подумал, что молиться мне надобно и за эту преподобную, что и она близка к Господу».

* * *

Рассказ об исцелении от зубной болезни Краснослободского мещанина Матфея Карпова:

«Был я одержим сильной зубной болью около двух лет с половиной. Отвлекала она меня от моих занятий. Лекарство принимал разное, но помощи не было, и разные заговоры не были на пользу. В 1866 году явилось у меня желание идти в Саровскую обитель, чтобы попросить у Бога через молитвы отца Серафима, при его могиле, исцеления зубной боли. Восьмого сентября, на праздник Рождества Богородицы, по отслууже-

нии Святой Литургии, я в числе прочих людей просил очередного иеромонаха отслужить панихиду на могиле отца Серафима. По отслужении панихиды я пожелал приложиться три раза обеими щеками к памятнику, отчего тут же почувствовал облегчение, а потом и совершенное исцеление».

* * *

Рассказ жены священника Александра Виноградова об исцелении сына ее от заикания:

«В 1865 году по грехам моим трехлетний сын мой, бойкий на разговорах мальчик, вдруг стал заикаться. Заиканье это время от времени все делалось хуже и труднее и в начале 1866 года до того увеличилось, что он не мог сказать сразу ни одного слова, а прежде минут пять и более толкует: а, а, а... весь покраснеет, наконец ухватит себя обеими руками за скулы и со слезами убежит, спрячется где-нибудь и плачет о том, что не может высказать того, что хочет. Нам, родителям его, было очень прискорбно это видеть; мы со страхом заглядывали в будущее, как ему, бедному, будет отвечать уроки, когда будет он в школе. Часто мы ему говорили: “Сашенька! Обдумай прежде, потом и говори”, — воображая, что от торопливости в речи он взял привычку так страшно заикаться; а иногда говаривали ему: “Замолчи лучше: очень неприятно слышать твое заиканье”. Все это, видимо, огорчало и самого не по летам смышленного мальчика.

В Великом посту, в 1886 году, дали мне знакомые почитать книгу “Жизнь подвижника Саров-

ского отца Серафима”. Я ее читала вслух сыну, сын слушал мое чтение с удивительным вниманием и понятливостью, и стал он затем иметь веру в святость отца Серафима и питать к нему любовь. Это он выражал, целуя с благоговением картинки, изображавшие отца Серафима.

Так прошли дни Св. Пасхи. На этих днях, а именно во вторник, отец послал Сашу из передней половины нашего дома в задние комнаты что-то сказать мне. Он отворил к нам дверь, хотел сказать, но не мог, покраснел, зажал себе скулы (потому что от заиканья у него делалась боль в скулах), убежал за дверь и заплакал. Глядя на это его положение, я и нянька-девица, у нас живущая, обе заплакали. Я приласкала своего несчастного сына и посоветовала ему во время благовеста к “Достойной” молиться или хотя перекреститься везде, где бы он в это время ни был, и просить отца Серафима, чтобы он молитвами своими его исцелил. Мальчик с радостью принял мой совет и обещал исполнять, что точно и исполнял затем.

Сама я в тот же час в душе дала обет отслужить панихиду о упокоении души батюшки отца Серафима, пошла к мужу, передала ему все. Но муж мой, в это время еще не читавший жизни о. Серафима, очень равнодушно принял мой обет и когда-нибудь обещал отслужить панихиду. Замечательно, что именно с этого дня, как мы дали обет прибегать к о. Серафиму и молиться об упокоении блаженной души его, сын наш заикаться перестал вдруг и все стал говорить хорошо, резко и отчетливо... Мы, грешные, в своей

беспечности думали: вот правду люди говорили, что со временем у него эта болезнь пройдет, вот и прошло, и — панихиды не служили. Только я за-таила в душе мысль, что когда-нибудь при случае исполню обещание.

Так прошло недели три. И вот Господь благоволил вразумить нас, беспечных, и показать нам, что не сам собой сын наш выздоровел, но за молитвы батюшки отца Серафима. Сын наш опять стал вдруг по-прежнему заикаться, опять не мог сказать сразу ни одного слова. Тогда я, грешная, поняла все это и передала мое мнение об этом моему мужу. Муж тогда пожелал прочитать жизне-описание отца Серафима; стал читать, почувствовал благоговение к старцу Божию и скоро изъявил мне желание по батюшке отслужить обещанную панихиду, что и исполнил. После панихиды ребенок наш разом совершенно исправился. Мало этого, он в том же 1866 году, бывши 4,5 лет, требовал настоятельно, чтобы его выучили читать».

* * *

Колежский секретарь Андрей Васильев писал Саровскому игумену Серафиму следующее:

«В марте месяце 1866 года жена моя, Александра Николаевна, возвратясь из Саровской пустыни, видела во сне покойного подвижника Саровской обители святого старца отца Серафима, который говорил ей, что у нее будет болеть бок и что ей никто, кроме него, оказать помощи не может. Действительно, в апреле месяце того же года жена моя почувствовала сильную боль в правом боку и болезнь приняла такие сильные

размеры, что приводила ее в иступление. Обратились мы к совету докторов в г. Пензе и Саранске, которые и пользовали более двух лет, и хотя отчасти облегчали, но положительной помощи не оказали, а объявили мне, что болезнь жены моей неизлечима. Имея веру в силу молитв святого старца отца Серафима и вспомнив явление его во сне жене моей, я со всем семейством в сентябре месяце сего года отправился в Саровскую пустынь, где, пробыв до 18 числа, удостоились мы приобщиться Св. Таин, слушать молебен пред иконой Царицы Небесной Живоносного Ее Источника и панихиду в келлии и на могиле святого отца Серафима. Отправились мы затем в Серафимо-Дивеевский девичий монастырь и там на другой день также отслушали молебен пред иконой Царицы Небесной “Умиление” и панихиду в келлии отца Серафима, где все лобызали убогую одежду святого старца, и возвратились в гостиницу.

Ночью того дня болезнь моей жены так сильно обострилась, что многократно сопровождалась рвотой желчи отдельными кусками и, наконец, черной жидкостью, вроде земли, и больная изнемогла до последних сил, но, имея веру в силу молитв отца Серафима, я обратился снова с молитвой к нему и просил также молитв сестер обители, по совершении которых матушка игуменья Мария посетила мою больную жену и на нее возлагала принесенные ею шапочку и полотенце отца Серафима. После этого моя жена уже никогда не чувствовала даже малейшей болезни, как будто бы оной с нею и никогда не было. Наконец, жена

моя снова увидела во сне отца Серафима, который говорит ей: “Ну, радость моя, твоя болезнь к тебе не возвратится, и ты будешь здорова”».

* * *

Из письма гг. Алферовых:

«В 1866 году 6-го декабря (пишет г. Алферов) дочь моя София, будучи одного года и двух месяцев, вдруг не стала владеть левой ножкой; страдания малютки были невыносимы — ни днем, ни ночью не могла спать; доктора, пользовавшие ее, не могли даже определить, в чем заключалась эта болезнь, ибо опухоли не было. Одним словом, она не могла владеть ножкой, а разные мази, прописываемые докторами, еще более усиливали боль в ноге. Нам с женой слишком было прискорбно видеть невыносимые страдания малютки, и, будучи не в состоянии облегчить их, мы обратились за помощью к Пресвятой Владычице Небесной — попросили священника отслужить молебен Казанской Божией Матери, прося Царицу Небесную послать нашей дочке выздоровление.

Вскоре после этого, пред обедом, жена моя, оставаясь у колыбели больной малютки, уснула на несколько минут и увидела иеромонаха старца Серафима в белом балахончике, который ей сказал: “Не плачь и не убивайся — твоя дочь будет жива и здорова. У нее вывих; нужно поскорее поправить ножку”. Тут жена моя проснулась и за обедом рассказала мне о своем сновидении.

После обеда я прилег отдохнуть и сам увидел во сне старца Серафима, также в белом балахон-

чике, который, обращаясь ко мне, сказал: “Не беспокойтесь: ваша дочь будет жива”. Проснувшись, я пошел в столовую, где застал жену разговаривавшую с акушеркой, которая пришла, чтобы посоветовать нам обратиться к костоправу-мужичку, известному во всем Глазовском уезде, Вятской губернии, где в то время я находился на службе. Я заявил им о своем сновидении и послал кучера за упомянутым костоправом, который на другой день утром приехал. Осмотрев больную ножку нашей дочери, он нашел у нее вывих в трех местах, а именно: в ступне, выше оной и в колене. При этом он заявил нам, что нужно будет поправить еще два раза. После первого поправления ножки на третий или четвертый день дочка в первый раз подняла ее к нашей общей радости; после каждого поправления ей делалось лучше, а через три недели она была совершенно здорова.

В 1867 году, около 8-го июля, у меня заболел сын Александр, будучи трех месяцев. Около же 15-го июля я, возвратясь из уезда, в час ночи лег спать и во сне увидел старца Серафима в том же балахончике, который мне сказал: “Он умрет”. По истечении трех дней сын мой умер.

В 1870 году, 2-го августа, в С.-Петербурге у меня родилась дочь Ольга. Когда исполнилось ей шесть недель, жена моя поехала к куму, а я, оставшись дома, уснул у кровати малютки и увидел во сне вошедшего ко мне в комнату иеромонаха старца Серафима в белом балахончике, который мне сказал: “Она году не доживет”. И дей-

ствительно, она умерла 20-го июля 1871 года, не дожив до году 12-ти дней.

Когда я находился на службе в г. Глазове, именно в 1865 году, почувствовал сильную боль в левом боку; по временам страдания мои были невыносимы. По приезде моем в Петербург в 1870 году врачи, к которым я обращался, находили мою болезнь неизлечимой. Оставя службу в 1876 году, я поехал в г. Задонск, Воронежской губ., часто ходил к обедне в монастырь и мысленно всегда просил старца Серафима облегчить мою болезнь. В ночь с 23 на 24 августа, во время моего сна, старец Серафим подошел к моей кровати — в подряснике, епитрахили и поручах, — поодаль от него стал диакон в полном облачении и еще кто-то в монашеском одеянии. Отец Серафим, приблизясь ко мне, левым коленом своей ноги уперся в больной мой бок и обеими руками ободрал мне ребра так, что когда я взглянул на больное место, то под ребрами висели какие-то кровавые жилы, вроде пиявок, в палец толщиной. Когда видение прошло, я проснулся и тотчас же почувствовал облегчение».

«С первых чисел сентября месяца (пишет жена г. Алферова) я страдала биением сердца и захватом дыхания в груди, с сильным кашлем, болью в груди, спине и левом боку; все это время я лечилась, но от лекарств облегчения не получала. Летом 1884 года я страдала расслаблением всего организма, по временам от слабости едва могла ходить.

В молитве своей я всегда просила Матерь Божию и старца Серафима послать мне исцеление. С 4-го на 5-е августа я во сне увидела старца Серафима в черной мантии, епитрахили и поручах. Он подошел ко мне, но только не знаю где, взял меня за плечи и поставил в большой комнате со словами: “Не убойся, дочь моя! Сейчас тебе будет великая радость: видение образа Божией Матери”. Тотчас послышался сильный шум; от страха и слабости голова моя кружилась, но я была поддерживаема руками отца Серафима и ободряема его словом: “Не убойся!” Вдруг шум утих, отворилась дверь и вошла женщина в монашеском одеянии, с образом Божией Матери в руках, и множество лиц, тоже в черном монашеском одеянии, которые остались в дверях. Увидев красоту, величие и Божественную доброту монахини, я от страха едва держалась на ногах, но руки отца Серафима меня крепко поддерживали. Он опять мне сказал: «Не убойся!» — и подвел меня к образу Божией Матери. Женщина в монашеском одеянии три раза благословила меня упомянутым образом, и я приложилась к оному. Та, которая меня благословила, села на близ стоявшую скамейку, отец Серафим и мне помог сесть рядом с ней. Божественно-кроткий лик монахини, державшей образ Божией Матери, внушил мне мысль молить ее о своем исцелении, причем я просила ее дозволить мне поцеловать ее ручку (от страха я долго не решалась на это). Она, Божественно улыбнувшись, протянула мне оную, сказав: “Сколько угодно”. Я с благоговением поцеловала ее ручку, мысленно не переставая молить

ее о своем исцелении. Когда мои грешные уста коснулись ее божественной ручки, вся душа моя наполнилась неизъяснимым блаженством, из которого меня вывел голос отца Серафима, все время находившегося около меня с правой стороны: “Теперь с тебя этого довольно, — иди, вот диакон проводит тебя”. Тотчас появился диакон в черной рясе, которого я прежде не заметила. Видение прошло; диакон пошел вперед, я же встала со скамейки сама и пошла за ним, не чувствуя более никакой слабости. Много комнат прошли мы, и наконец он ввел меня в небольшую комнату, всю увешанную образами, пред которыми горели лампы. Войдя в упомянутую комнату, он спросил у меня: “Знаешь ли, где ты теперь находишься?” Я отвечала: “Нет”. — “В Костроме”, — был его ответ.

Тут я проснулась. От великой радости и страха меня трясло, как в лихорадке; когда же я немного успокоилась, то почувствовала облегчение. Весь день я чувствовала себя крепче, а 6-го августа, в день Преображения Господня, я пошла гулять со своим семейством со станции Финляндской железной дороги, где мы жили на даче, и дошла до станции Шувалова без усталости на расстоянии около трех верст. Благодаря покровительству Божией Матери и иеромонаха старца Серафима, я не чувствовала более слабости и здоровье мое поправилось».

* * *

Кандидат Потапий Максимов писал Саровскому игумену Серафиму следующее:

«В 1868 году, в день праздника Святой Троицы, с моими детьми отправился я во храм Божий для слушания литургии, а жена моя Мария, исповедующая римско-католическую веру, пошла для той же цели в костел. По окончании обедни, возвратившись домой, я узнал, что жена моя еще не возвращалась. Под влиянием неприятного чувства я ожидал возвращения ее и по приходе начал делать ей упреки за долгое отсутствие. Получив в ответ, что причиной ее отсутствия было желание слушать до конца богослужение, я кощунственно отозвался об ее набожности. В это время дочь наша Дарья, видя горесть матери и мое возбужденное состояние, подошла ко мне с просьбой не обижать мать. “Ты вон пошла!” — закричал я. Бедная малютка отшатнулась и в тот же день заболела.

Полагая, что болезнь дочери есть следствие небольшого испуга, я спустя неделю после ее болезни приглашал в дом врачей, более 12-ти человек, для подаяния пособия больной. Но медицинские пособия не облегчили страданий малютки. Одиннадцать месяцев страдала моя дочь расслаблением организма до такой степени, что не могла даже поднять головы. Глубоко раскаиваясь в своей горячности и приписывая болезнь дочери ни-спосланному на меня Богом испытанию, я плакал и молился. Прочитав жизнеописание Саровской пустыни старца Серафима и чудесное его заступничество за истинно верующих и молящихся, я, по совету моего духовника, отслужил панихиду по преставльшемуся старце Божиим. Священник, отправлявший служение, затем испове-

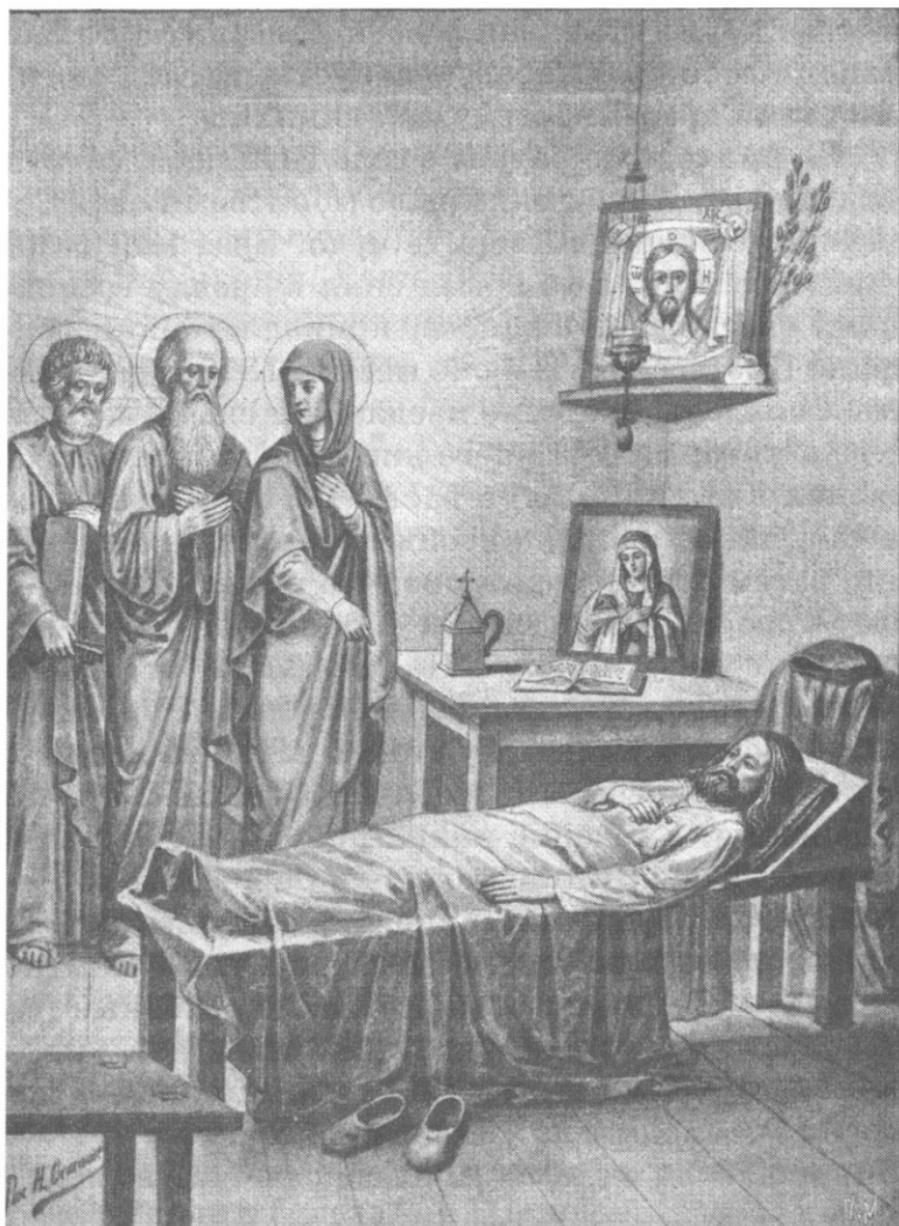
дал и приобщи́л мою почти умирающую дочь. И на другой день, 19 марта 1869 года, дочь моя Дарья встала с постели и свободно стала ходить по комнате. На вопрос наш: “Как это случилось?” — Дарья отвечала, что во сне она видела священника, который, подошедши к ее постели, сказал: “Встань, Дашенька, Божия Матерь велела тебе встать”».

* * *

Нижегородский мещанин Павел Иванов Бакой свидетельствует:

«В 1868 году, когда я был приказчиком у купца Сторожева, в г. Арзамасе, Нижегородской губ., в декабре месяце при занятии в ренсковом погребке, в подвале, в 8 часов вечера со мной открылась болезнь глаз и вместе с сим обуял какой-то страх. Болезнь глаз и нападающий на меня страх изо дня в день усиливались и продолжались год, так что за последнее время открылась сильная ломота в глазах и я почти ни на что не мог смотреть, тем более на свет. Доктора, как арзамасские, так и лукояновские, пользовавшие меня немалое время, никакой пользы не могли мне принести.

В то время родительница моя, старушка богобоязненная, слыша многое об исцелениях разных недугов молитвами иеромонаха старца Серафима, дала мне наставление, чтобы я просил отца Серафима на молитве об исцелении моей болезни, и вместе с сим посоветовала сходить пешком в Саровскую пустынь отслужить по нем панихиду. Совет родительницы моей я принял с усердием и постоянно на молитве просил отца

*Явление Божией Матери преподобному Серафиму
во время болезни*

Серафима об исцелении моей болезни, а также сходил пешком в Саровскую пустынь, где у могилы отца Серафима отслужил панихиду.

По приходе из Сарова в село Иванцево, спустя недели две, Богу угодно было молитвами отца Серафима со мной сотворить чудо. Брат мой старший, Алексей, в то время снял в аренду господский сад в селе Иванцеве, принадлежащий графине Протасовой. В июне месяце 1870 года, в самый полдень, брат мне предложил сходить с ним в сад, который от нашего жительства отстоял саженьях в ста или полутора. Пришли мы с ним в сад, около шалаша посидели несколько времени, затем брат говорит мне, что время обедать, я ему говорю: «Иди, я сам как-нибудь через несколько минут приду». Не успел брат отойти от меня несколько сажень, как меня сильно и моментально склонило ко сну, тогда как в то время я никакой привычки не имел днем спать. В это самое время, в течение каких-нибудь пяти минут, вижу я во сне, что нахожусь в Сарове около могилы отца Серафима, на коленях молюсь Богу и прошу об исцелении моей болезни; в этот момент из глаз моих вылетают громадные огненные искры. Не могу припомнить, спал ли я или был в каком-то забвении, только когда пришел в память, со мной было сильное трясение, и тут же никакой боли в глазах я более не почувствовал».

* * *

Исцеление Анны Семеновны Рубцовой:

«Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев, — писала о. игумену Саровскому г. Рубцова, — и на

мне, худой, недостойной грешнице, явил Он милость Свою через великого угодника Своего, пустынножителя Саровского иеромонаха Серафима. Да пройдет слава его от края до края земли Русской! Здесь, на границе России с Польшей, я пою ему со слезами сердечной благодарности панихиды, а Вас прошу, Ваше Высокопреподобие, передать мою нижайшую просьбу кому-либо из иеромонахов — отслужить панихиду на гробе его и благодарственный молебен Богоматери “Всех Скорбящих Радость”. Теперь не поставьте в труд выслушать меня, как узнала я, живя за несколько тысяч верст, что пустынь святая ваша обладает таким сокровищем.

Бывши еще ребенком, я часто бывала в монастыре у моей тетки и видела картину, писанную на полотне масляными красками, чудной работы, — «кончина иеромонаха Серафима». Тетя мне много рассказывала о его высокой жизни, о его неисповедимых трудах.

Прошли десятки лет, муж мой был назначен вице-губернатором в г. Ковно, на самую границу Польши; тут, не знаю почему, мне часто стала приходиться в голову эта картина, а прежде я о ней никогда не думала. Год спустя мужа перевели в г. Вильно директором канцелярии северо-западного края. По приезде моем в Вильну я сделалась тяжело больна и прохворала четыре почти года разными болезнями. Наконец, разболелся у меня нос — в левой ноздре сделалась сильная опухоль и краснота снаружи. Восемь месяцев лечили меня разные врачи, но ничего не помогало: одни говорили, что это полип, другие грозили

еще более серьезной болезнью. Наконец решили сделать операцию весной, если нарост не уступит лечению, но операция для меня была очень опасна вследствие моего малокровия.

Однажды, поплакав досыта, ложусь спать и вижу во сне упомянутую картину, и она так живо осталась в моей памяти, что хоть сейчас могла бы нарисовать этого бледного как воск старичка с седыми волосами, стоящего на коленях со сложенными на груди руками, в белом балахончике, с четками, с опущенными глазами, как бы в умной молитве, совсем не похожего на мертвеца. Так эта картина обняла мою душу, что долго не хотелось вставать, — я все закрывала глаза и наслаждалась ею, сердечно сожалея, что ее теперь нельзя достать, ибо неизвестно кому она досталась после смерти тетки. В этот же день (день был воскресный) посылаю я к игумении Флавиане просить книг для чтения, и — можете Вы представить мое удивление и радость — она присылает мне житие иеромонаха Серафима с шестью картинками, между которых была и его пустынька с колодцем. Прочтя обо всех исцелениях, явленных им при жизни и по смерти, я приложила эту картинку к лицу своему и заплакала, говоря: “Счастливые эти люди: они видели тебя, угодник Божий, и через твои молитвы и благословение получали исцеления из этого источника; а я не могу никогда сделать этого, живя так далеко от святого места сего”. Больная ноздря моя как раз прижалась под самым изображением желобка, и, к удивлению моему, из нее показалась кровь; затем мне как бы чуть-чуть стало

свободнее дышать. На другой день я опять повторила то же, и опять пошла кровь. И каждый раз, как я прикладывала, кровь показывалась из носа, — опухоль и мешки стали опадать и нос мой пришел в надлежащий порядок».

* * *

Исцеление муромского купца Ивана Засухина, сына его и дочери (описано в журнале «Гражданин» за октябрь 1884 года).

Муромский купец Иван Иванов Засухин 1882 года марта 21 приехал в Муром в свой дом из станицы Урюпино очень больным. По его словам, он заболел там брюшным тифом 3-го марта. Местный доктор станицы Урюпиной, лечивший его, несколько облегчил болезнь, но посоветовал ему ехать на родину, что он и сделал. Дорога утомила больного сильно, и он приехал в Муром очень слабым. Позван был доктор Стабровский. Г. Стабровский принял болезнь тоже за брюшной тиф и стал лечить; болезнь ослабела, и, по замечанию Засухина, температура жара с $40,1^{\circ}$ ослабела до $37,5^{\circ}$.

Прошло немного дней, и больной стал поправляться. Но при болезни у него образовалась опухоль за ушами, а потом вверху правой ноги. Врач нашел нужным эту опухоль прорезать, чтобы дать исход скопившейся там материи. Но прорез вышел неудачен, материя не шла, а опухоль стала развиваться более и более. Ни Стабровский, ни другой врач в этой болезни не помогли. Тогда предложили больному отправиться в Петербург, полагая, что, может быть, там найдут возмож-

ным помочь ему оперативным путем. Больной так и сделал и отправился в Петербург. Консилиум петербургских профессоров Богдановского и Мултановского нашел операцию невозможной, и они посоветовали больному ехать домой.

По возвращении в Муром в болезни Засухина появилось новое осложнение, развилось воспаление легочной плевры, к которому присоединилось расстройство желудка; больной ослабел окончательно. Для совета были приглашены еще другие врачи, которые сознали положение больного безнадежным и определили даже день его смерти. После подобного определения врачей больной стал уже готовиться к смерти. Тут был приглашен священник как врач духовный. Больного он нашел очень слабым, но в памяти. Как истинный христианин, Засухин сердечно исповедался и удостоился Святого Причащения.

Прошло немного дней, опять зовут священника к больному. Приходит он и видит, что тот, хотя и в сознании, но силы его ослабели окончательно, и над ним была прочитана отходная молитва. Но на третий день больному стало лучше. Дело в том, что в соседстве с больным жила одна почтенная г-жа, М.Ф. Бычкова; она очень жалела, что так рано умирает хороший сосед, принесла жене умирающего воды, взятой из источника отца Серафима и просила ее дать умирающему выпить этой воды. Жена, взявши эту воду, поднесла выпить мужу, но он почти уже не мог открыть рта. Только с чайной ложки жена могла влить ему в рот несколько капель, а остальную воду вылила ему на голову. С того момента, как

она влила ему в рот несколько капель и намочила голову, больной совершенно затих, так что она подумала, что не умирает ли уж он, и стала внимательно следить. Но больной, к удивлению ее, заснул тихим сном. В таком состоянии прошло несколько часов. Затем больной просыпается и просит пить. Жена от такой неожиданности совершенно растерялась и не знает, чего бы дать ему, что бы было не вредно; ей пришло на мысль дать молока, что она и сделала; но потом вспомнила, что молоко было ему запрещено, поэтому и стала опасаться дурных последствий. Больной выпил и чувствует, что ему хорошо. Желудок пришел в действие, и прежнего не повторялось. С этих минут (16 ноября) ему стало лучше.

На другой день врач слушал грудь Засухина и нашел улучшение. Однако бедро оставалось все еще по-прежнему болезненным и припухшим, свищевые ходы не закрывались. Тогда больной возымел желание, несмотря на крайнюю невозможность по случаю болезни, самолично поклониться сему угоднику Божию и собрался в Саровскую пустынь. Жена больного на всякий случай взяла с собой все нужное для погребения. Взяты были все дети, чтобы не лишиться больного, в случае печального исхода, видеть в последние минуты своих детей. Положение больного было очень тяжелое: сидеть в экипаже он не мог, потому что больная нога была согнута, а сотрясения от езды производили нестерпимую боль. При каждой остановке его выносили из экипажа на руках.

В таком болезненном состоянии Засухин прибыл в Серафимо-Дивеев монастырь. Здесь боль-

ной намерен был несколько отдохнуть от тяжкого пути и пробыть сутки. Это было 5-го июня, в день праздника Святой Троицы. Наступило время всеобщего бдения, и больной, несмотря на сильную боль, решается быть при богослужении. С помощью жены и своих служителей он на носилках принесен был из гостиницы к церкви и почти на руках был внесен в нее. Когда после величания приложился весь народ к иконе Св. Троицы, пошел и больной с большим усилием, с помощью жены и других, на своих костылях приложиться к иконе праздника и получить помазание св. елеем. Когда он приложился к иконе и получил помазание, глаза его невольно обратились на стоящую в иконостасе святую икону Божией Матери, которая прежде была в келлии старца Серафима и пред которой он так пламенно молился, и в этот момент больной почувствовал, что его нога твердо стала на пол и без боли. Он приподнял свои костыли и без помощи их, при удивлении всех предстоящих, пошел на свое место. Когда служба кончилась, Засухин смело встал на ноги и вышел из церкви, где дожидались его служащие с носилками; но он, не нуждаясь в их помощи, отдал даже и костыли и до самой гостиницы (расстояние около четверти версты) шел без всякой помощи. На другой день больной уже пешком опять пошел в церковь, где и приобщился Святых Таин, и в тот же день поспешил в Саров и прямо на могилу отца Серафима, где и отслужил панихиду. Наутро, после богослужения, он поспешил к тому целительному

источнику, водой из которого так был чудесно спасен от смерти.

Расстоянием этот источник от монастыря около двух верст. Но для больного как будто не было утомления: прежде без посторонней помощи он не мог пройти и по комнате, а теперь легко шел это немалое расстояние. Источник о. Серафима вытекает из горы, и верующие подходят под эту целительную струю, раздевшись донага, а подход к источнику был довольно труден по местоположению. Дорогой больной раздумывал, вынуть или не вынимать из больного места дренажи. Многие советовали не вынимать, что он и сделал. Затем больной разделся донага и подошел под самый источник; как только почувствовал он на себе холодную струю источника, эта холодная струя возбудила в его организме какой-то облегчительный жар, и у него силы стало больше. Вышел из источника и видит, что одного из дренажей в опухоли нет при нем, а другой вынул сам. На другой день больной за обедней приобщился Св. Христовых Таин. Затем Засухин стал совершенно здоров. То место, где была опухоль, пришло в нормальное состояние.

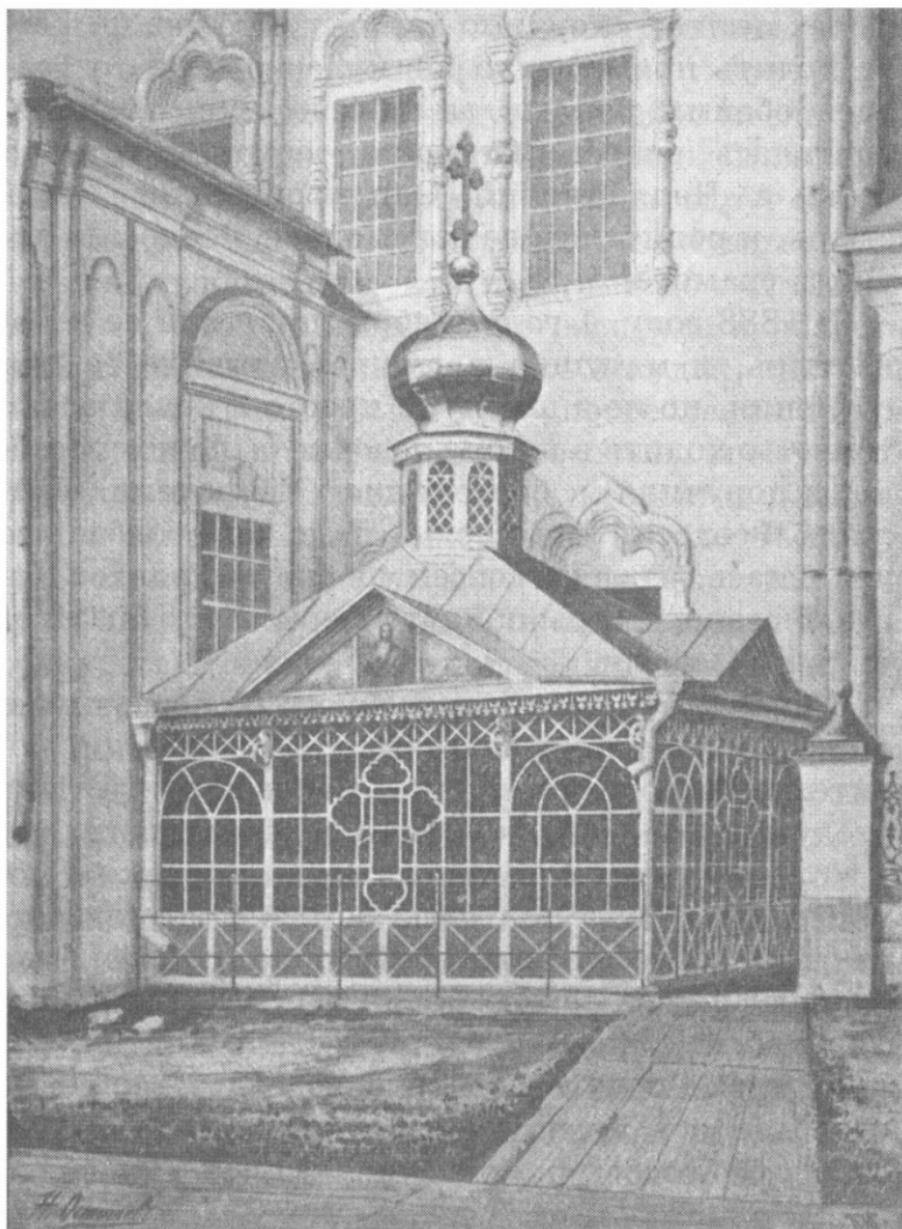
У сына г. Засухина, мальчика восьми лет, вся голова была покрыта струпьями и сильно болела, его возили к известному профессору кожных болезней, г. Полотебнову, который, осмотрев мальчика, сказал, что ранее двух лет немислимо прервать его болезнь. Засухин повез мальчика с семьей в Саров. По пути в Саровскую пустынь 5-го июня, в день Св. Троицы, остановились они отдохнуть от дороги в устроенной о.

Серафимом и, так сказать, его духом порожденной Серафимо-Дивеевской обители и тут узнали от монахинь о заповеди старца с умной молитвой проходить по вырытой по его указанию трудами сестер канавке, по которой, по его же словам, прошла Сама Матерь Божия. Пошли Засухины всей семьей исполнять святым старцем заповеданное. Больной мальчик, по совету сопровождавшей монахини, опускаясь в самую глубь канавки, срывал траву и цветы, раскладывая их все время на свою больную голову. Приехав в Саров, купался он в источнике Серафимовом, и по возвращении 13-го июня домой, в г. Муром, голова его не только совершенно очистилась, но густо заросла прекрасными волосами, без наималейшего даже признака какой-либо болезненности.

Третье знамение милосердия Божия с верой к Нему прибегающим случилось с дочерью Засухина, у которой от елея из лампы над гробом о. Серафима исцелен был поврежденный палец.

* * *

У живущей с родителями в г. Челябинске четырехлетней девочки Феодосии Власовой в 1885 году, 7-го января, случился сильный жар во всем теле и продолжался две недели, а потом постепенно образовался на спине горбок, и она по ночам кричала до бесчувствия. Так продолжалось четыре года: лечили сельские бабки, обращались и к врачам, но они отказались, говоря, что она недолго проживет. Тогда родители всю надежду возложили на Бога. В течение че-

Часовня над могилою преподобного Серафима

тырех лет так скорчило девочку, что она не могла ходить прямо, если же куда ходила, то бралась обеими руками за колена и потихоньку двигалась вперед. Старшая сестра ее отдана была в Челябинский Одигитриевский монастырь, и родителям ее вздумалось Феодосию поучить грамоте.

В 1888 году, 1-го сентября, привезли ее в монастырь, и матушка игуменья приняла ее для обучения, но не в школу, а просто в келлию, потому что ходить в школу девочке было не способно, и поручила м. благочинной Евпраксии. Прожила Феодосия три месяца, и до того болезнь ее усилилась, что она совсем не могла ходить. Когда, бывало, сестры пойдут в церковь, то брали ее на руки и несли.

Узнав о чудесах преподобного о. Серафима и по совету матушки благочинной Евпраксии, родители Феодосии послали в Саровскую пустынь отслужить на могилке отца Серафима панихиду и молебен и просили прислать им земельки с могилки его. Когда получили землю с могилы, отслужили молебен Божией Матери и панихиду по о. Серафиму, а землю положили в бутылку, налили воды и с земельки этой стали поить больную, тогда почувствовала она себя совершенно здоровой и в течение недели стала ходить сама собой, без особой помощи.

* * *

1890 года марта 26-го дня к настоятелю Саровской пустыни игумену Рафаилу явился крестьянин Астраханской губернии, Царевского

уезда, села Заплавного, Иван Харитонов Шажков и заявил следующее:

В прошедшем 1889 году, в декабре месяце, за неделю до Рождества Христова, у него, Шажкова, без всякой, по его мнению, причины, вдруг онемели обе конечности, хотя боли он и не чувствовал в них; но руками по локти и ногами до колен владеть не мог; при этом у него распухла и полость рта. Пальцы на руках сжались в кулак, так что, когда необходимо было при употреблении пищи взять ложку, то черенок ее просовывали ему в отверстие между большим и указательным пальцами, и таким образом он питался; ни одеться, ни опоясаться он тоже не мог, а когда вставал при помощи других, то падал или наперед, или назад. Лекарств Шажков не употреблял. Такое состояние его продолжалось около трех недель.

Теща его, бывавшая в Сарове и видевшая благодатную помощь о. Серафима многим болящим, посоветовала ему дать обещание сходить в Саров поклониться гробу св. старца отца Серафима и попросить его помощи в болезни. Шажков с благодарностью принял совет своей тещи и с верой обещался сходить в Саров и исполнить все по наставлению ее. С того же дня, как он дал свое обещание, руки и ноги его начали крепчать в составах, опухоль во рту пропала. Уже к Великому посту он настолько оправился и окреп, что в среду на первой неделе поста решился отправиться в далекий путь до Сарова; однако как в ногах, так и в руках, особенно в пальцах, все еще чувствовал слабость, которая в пути мало-помалу исчезала.

В Саров он прибыл 21 марта, весь путь, около 1000 верст, совершив пешком без всяких вредных для своего здоровья последствий. Здесь, в Сарове, он исповедался и сподобился причаститься Св. Таин Христовых, а 26-го числа пошел на источник отца Серафима, где несколько раз искупался и получил совершенное исцеление от своей болезни.

* * *

Г-жа Ю.В. Каразина пишет в своем заявлении о следующем чудесном факте:

«В мой приезд в Саровскую пустынь, мая 22-го 1890 года, я пошла посетить келлию отца Серафима, где он скончался. Подхожу к его изображению и вижу, что лицо оживает и глаза движутся и открываются, равно как движутся и брови. Я до того была этим поражена, что вся затрепетала и едва не упала. Обращаюсь к присутствующим около меня и в волнении говорю: “Отец Серафим ожил, у него глаза открылись и брови двигаются”. Придя на другой день, я нашла совершенно другой вид лица на изображении о. Серафима, но глаза как бы снова ожили».

* * *

В заключение считаем уместным привести письмо генерал-лейтенанта Врасского о благодатной помощи, дарованной ему о. Серафимом еще при жизни. Хотя это событие совершилось еще в 1826 году, однако в прежние издания жития не вошло, потому что П.А. Врасский сообщил о нем

письменно бывшему игумену Саровской пустыни Рафаилу только в 1892 году.

«В 26-м году я, будучи офицером, посетил Саровскую пустынь и отправился, по примеру других богомольцев, за благословением к преподобному о. Серафиму. В коридоре его келлии холод был страшный, а я в военной шинельке дрожал от мороза. Келейник его сказал, что у о. Серафима в настоящее время находится монах и он с ним беседует, а я, стоя в коридоре, молился Пресвятой Богородице. Дверь отворилась, монах вышел, и через несколько минут о. Серафим отворил дверь и сказал: “Какую радость Бог мне дает!” Ввел он меня в свою келлию, а так как она была заставлена разными вещами, то он посадил меня на порог своей келлии, а сам сел на пол против меня, держа мою руку, и ласково со мной говорил, даже целовал мою руку. Вот какая у него была любовь к ближним!

Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге. После многих разговоров я ему сказал, что у меня болит грудь (сам я был худой, бледный юноша). На это он мне ответил: “Это ничего”, — встал, взял бутылку и подал мне, говоря: “Глотни большой глоток”. Каков же был мой ужас, когда полилось мне в рот деревянное масло! Я думал, что мгновенно последствие будет дурное, но, напротив, масло оказалось вкусным. С этой минуты, благодаря Бога, грудь моя более не болела и из худого, бледного юноши я сделался здоровым и крепким мужчиной.

Через довольно долгое время я по необходимости должен был оставить военную службу и отправиться в бессрочный отпуск. Эта разлука с Петербургом причинила мне такую тоску, что я целый год не находил места от нее. По пути в Арзамас я заехал в Саровскую пустынь и немедленно пошел на могилку о. Серафима, просил отслужить по нем панихиду, и, как только она была отслужена, тоска моя мгновенно исчезла и я сделался здоров».

Оканчивая наше изложение, остановимся благоговейной мыслью на особых путях Промысла Божия в жизни старца Серафима.

Сын гражданина г. Курска с юных лет влечется тайным желанием оставить мир и служить исключительно Богу, подобно св. Феодосию Печерскому, также уроженцу Курскому. Никому не знаемый, приходит он юношей в Саровскую обитель, оставив мать, брата, имущество и дом. Не принеся с собой в обитель ничего, кроме умения читать и писать, он начинает жизнь свою с первых степеней послушания и смиренно проходит их, привлекая к себе любовь и уважение начальства и братии за свое усердие и кротость. Между тем в глубине души его ни для кого незаметно, под покровом глубокого смирения созревал внутренний человек. Его не удовлетворял уже, для других сам по себе, тяжкий труд иноческой жизни: молитвы, пост, послушание, нестяжательность. В нем раскрывается жажда высших и высших подвигов. И вот он в безмолвном уединении проводит жизнь строго отшельническую,

становится на подвиг, подобный столпническому, налагает на себя на долгое время обет молчания и, как бы в некоем гробе, заключается в затворе. А созревши в духовной жизни, по особенному внушению Божию он отверзает двери келлии и двери уст своих — и сладкие струи духовно-назидательного учения изливаются в течение многих лет на бесчисленное множество народа, искавшего его наставлений. После продолжительных подвигов в различных добродетелях, усвоив дух любви — которая есть верх совершенства, — он является утешителем душевных скорбей, целителем недугов телесных, руководителем совести для многих. И вот, безвестный и бедный пришелец в Саровскую обитель сделался, по благодати Божией и своему смирению, не только славой ее, но украшением и всей Православной Церкви.

Имя Серафима справедливо обносилось всюду, как имя одного из великих древних подвижников. В лице его для нашего скудного добродетелями и маловерного века как будто воскрес древний подвижник пустынь Фиваидских или пещер Киевских. И знатные, и простые, и богатые, и нищие — все стекались к порогу его келлии, падали ниц перед согбенным старцем, одетым в бедный балахон, открывали тайны своей совести, поверяли свои скорби и нужды и принимали с искренней любовью и благодарностью каждое слово его, согретое благодатью. И долго, долго будут разноситься по всему пространству обширной России слова старца, сказанные в тесной келлии! Долго, долго они, как

плодотворное семя, будут приносить благие плоды добрых дел! Вместе с тем никогда не изгладится и память о нем по слову Писания: *праведник во веки живет.*

Места, освященные воспоминанием об о. Серафиме, и прежде были заботливо охраняемы и ограждаемы для сохранения потомству, однако многие из них приняли вполне благолепный, подобающий святине, вид только недавно. Место блаженного упокоения о. Серафима — могила с надгробным памятником — оставалось прежде открытым, и богомольцам во время служения панихид приходилось иногда в дождь и слякоть в летнее время и во вьюгу зимой стоять с открытой головой и преклонять колена на открытом, ничем не огражденном месте. В начале 1890-х годов к углу, образуемому восточной стеной придельного алтаря Успенского собора и южной стеной главного его алтаря, над могилой о. Серафима устроен род часовни с небольшим куполом и двумя дверями. Две стены этой часовни состоят из металлических рам со стеклами. Над надгробием старца теплится неугасимая лампада, а на двух каменных стенах в часовне помещены писанные на полотне 6 изображений о. Серафима (моление на камне, явление старцу Божией Матери в день Благовещения, кончина его, кормление медведя, изображение о. Серафима во весь рост и благословение им странника у колодца). Так как в ногах о. Серафима пришлась могила умершего раньше его (в 1817 г.) другого великого подвижника Саровского схимонаха Марка, то против нее находится изображение и этого старца.

Колодец, устроенный о. Серафимом, — этот поистине «источник чудесных исцелений», на котором каждый посетивший Саров всегда считал и считает непременно обязанностью побывать и если не искупаться, то хотя намочить голову и выпить целебной воды, — прежде оставался по виду простым колодцем с проведенным из него, в уровень содержащейся в нем воды, желобом, из коего прибывающая сверх уровня вода сбегала довольно сильной струей, под которую и становились желающие искупаться. Но так как источник этот стоит на открытом месте, то паломникам, собирающимся весьма часто в большом количестве, и притом различного пола и возраста, купаться было совсем неудобно. Ныне над источником о. Серафима устроена прекрасная часовня со св. иконами и двумя большими изображениями его, а возле нее купальня с двумя совершенно разобщенными отделениями. Вблизи колодца, на месте ближней деревянной пустынной келлии о. Серафима, по тому же плану и размеру, построена новая келлия (подлинная перевезена в Дивеев).

В лесу, в 1 версте от источника, на месте, где находился камень, на котором о. Серафим совершил молитвенный подвиг 1000 ночей, устроен в 1890 году шатер в виде открытой часовни на четырех резных столбах с шатровой кровлей, с главой и крестом, обитыми железом. Нижние стороны этого здания ограждены перилами. Внутри поставлен крест с изображением Распятия Господня и положен большой камень в воспоминание подвига о. Серафима.

На месте дальней пустынной келлии о. Серафима в 1893 г. открыт при раскопке сложенный из кирпича, приблизительно аршина в три длиной и один аршин шириной, подземный грот, в который старец уединялся от осаждавших его посетителей во время молитвенного подвига, где у него были и камни для стояния на них. Грот этот оставлен точно в таком же виде, в каком и найден, а над ним тоже выстроена келлия по плану и размерам прежней, перевезенной тоже в Дивеев и обращенной целиком в алтарь кладбищенской церкви. Богомольцы считают непременной обязанностью побывать и на этом месте, освященном воспоминанием о дивных подвигах о. Серафима. Подле этой келлии находится место и огородика его. Келлия о. Серафима, в которой он подвизался со времени возвращения своего из пустынного затвора в 1810 г., в которой удостоился за год и десять месяцев до своей кончины посещения Богоматери и где праведная душа его отошла ко Господу, находится в монастырской ограде против его могилы. Она составляла прежде часть южного корпуса монастырских келлий. С ограды в нее вели узенькие сени с двумя дверями направо; первая дверь была в келлию жившего при о. Серафиме монаха Павла, вторая вела в келлию самого батюшки. Эта последняя — длиной и шириной в 5 аршин, при высоте в 3 аршина 10 вершков. В ней на южной стороне два небольших окна на огороды и р. Саровку, направо — изразцовая печка с небольшой лежанкой. Рядом с печкой помещаются в шкафчике и витрине некоторые предметы, оставшиеся после батюшки: ман-

тия его (вместе с мантией и посохом схимонаха Марка), шапочка, четки, крест, волосы, спадшие у него после болезни, Евангелие, носимое им, часть камня с пустыни, на котором он молился 1000 ночей; тут же и скамейка, сделанная руками о. Серафима, им подписанная. У передней стены келлии находится копия с Дивеевской иконы Божией Матери «Умиление» вместе с некоторыми другими иконами, а подле витрины с вещами батюшки помещены два больших изображения его на полотне (во весь рост благословляющий и преставление его).

С 1897 г. соседние с келлией о. Серафима келлии разобраны и над ней строится обширный и благолепный храм во имя Пресвятой Троицы. Таким образом, место молитвенных подвигов и блаженной кончины старца Божия в неприкосновенном виде войдет под кров храма Господня.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

О Боге	9
О вере	10
О надежде	11
О любви к Богу	12
О страхе Божиим	12
Об отречении от мира	14
О безмолвии	15
О внимании к самому себе	16
О попечении о душе.	21
Чем должно снабдевать душу?	22
О мире душевном	25
О хранении мира душевного	27
О подвигах	29
О свете Христовом	30
О слезах	31
О покаянии.	32
О посте	37
О хранении ума.	39
О многословии	39
О распознавании действий сердечных	41
О болезнях	42
О милостыни	43
О помыслах и плотских движениях	43
О терпении и смирении	45
О должностях и любви к ближним	48
О неосуждении ближнего и о прощении обид	49

Против излишней попечительности	52
О печали	53
Об отчаянии	53
О причинах пришествия в мир Иисуса Христа . . .	56
О жизни деятельной и умозрительной	57

ОТНОШЕНИЕ К БЛИЖНИМ И ПОМОЩЬ СТРАЖДУЩИМ

Любвеобилие отца Серафима в обхождении с ближними	63
Беседы его с мирянами	68
Случаи прозорливости отца Серафима	86
Исцеления при посредстве молитв старца Серафима	98

ЯВЛЕНИЯ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ О. СЕРАФИМА ПОСЛЕ КОНЧИНЫ

Явления благодатной помощи о. Серафима после кончины его	109
Продолжение рассказа о явлениях благодатной помощи о. Серафима после кончины его	135

Ответственный редактор А.В. Блинский
 Художественный редактор Т.И. Индутная
 Художник Н. Назарова
 Технический редактор О.В. Федорова
 Корректоры О.В. Федорова и Е.В. Кумыш

Издательство «САТИСЬ»,
 лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
 199034, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4, лит. А.

Тел./факс (812) 323-63-42.
 e-mail: satis-redakt@yandex.ru

Представительство в Москве:
 8-916-332-55-45.

ул. Савеловская Линия, владение 35, строние 2.
 Просзд до ст.м. «Дмитровская».

Подписано в печать 01.02.2011
 Формат 60x88/16. Печ. л. 11. Тираж 2000 экз.
 Заказ 3604

Отпечатано с готовых диапозитивов
 в ГУП «Типография «Наука»
 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Дорогие братья и сестры!

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «САТИСЬ»
И ДРУГИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ
ВЫ МОЖЕТЕ ЗАКАЗАТЬ ПО ПОЧТЕ**

В связи с тем, что в церковные лавки и магазины поступают далеко не все книги издательства «Сатись» и других православных издательств, советуем вам активно использовать возможность заказа и приобретения православных книг через систему «Книга — почтой» и интернет-магазин

Полную информацию о имеющихся книгах вы можете получить на **нашем сайте**:

www.satis.spb.ru

Высылаем каталог.

ВНИМАНИЕ! Не забудьте прислать чистый конверт

Заказать книги можно по почте:

199034, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4
лит. А. Православное издательство «Сатись»

Заявку на книги можно отправить
по электронной почте на адрес:

satis.spb@gmail.com

или в интернет-магазин

www.satis-spb.ru

Заказать книги можно, обратившись
по телефону в издательство «Сатись»

8(812) 323-63-21 (отдел сбыта)

8(812) 323-63-42 (редакция)

Кто себя любит, тот любить Бога
не может. А кто не любит себя ради
любви к Богу, тот любит Бога. Истинно
любящий Бога считает себя странником
и пришельцем на земле сей; ибо в своем
стремлении к Богу душой и умом
созерцает только его одного.

Из наставлений
прп. Серафима Саровского

СЯНСЬ